

РУССКАЯ ИСТОРИЯ,

СОЧИНЕННАЯ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе шестіе.

МОСКВА,

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1818.

Печашать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1818 года, Сентября 21 дня. Книгу сію разсматривалъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ *Иванъ Демидовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ и СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

СТАТЪЯ ПЕРВАЯ.

Отъ битвы съ татарами на берегахъ рѣки *Калки*
до вторичнаго нашествія на Россію Татаръ
подъ предводительствомъ *Батые*, то есть отъ
1224 до 1237 года.

СТАТЪЯ ВТОРАЯ.

Отъ нашествія *Батые* на Россію до *Задонска-*
го побоища, то есть отъ 1237 до 1381 года.

Князья, владѣвшіе въ Россіи въ продол-
женіи сего времени.

Юрій Всеволодовичъ съ 1218 по 1237
годъ. *Юрій* палъ на полѣ битвы, сражаясь съ
Татарами. Все семейство его погибло.

Ярославъ Всеволодовичъ съ 1238 по 1247
годъ. *Ярославъ* благоразумными распоряжені-
ями поддержалъ Владимирскую область.

Отъ 1247 до 1252 года занимали Вла-
димирскій престолъ Князья *Святославъ Все-*
володовичъ и *Андрей Ярославичъ*. *Святославъ*,
братъ *Ярослава*, получилъ престолъ по
старшинству; *Андрей*, племянникъ его, захва-
тилъ Великоняжескую власть по произволу
Татаръ, въ коихъ прильпился, забывъ родъ.

IV

живо и сохрани. Святославъ умеръ въ горести; Андрей вскорѣ наказанъ былъ. Ташары возвели его на престолъ; они же и низвергли его. Онъ бѣжалъ изъ Ошечесхва, уклоняясь отъ гнѣва Ташаръ; но нигдѣ не укрылся — отъ перзаній своей сохрани.

Александръ Ярославичъ Невскій съ 1252 по 1263 годъ.

Княженіе Александра Невского можно по всей справедливости числить съ 1247 года. Съ сего года началъ онъ совершать все полезное для Россіи, и все то, что могло поддерживать славу поработеннаго Ошечесхва.

Ярославъ Ярославичъ Третій съ 1263 по 1271 годъ. Воевалъ щасливо съ Нѣмцами.

Василій Ярославичъ съ 1271 по 1276 годъ. Забывъ, что отецъ его преждевременно умеръ отъ насилія Ташаръ, Н. Василій союзясь съ ними, разорилъ Новгородъ.

Дмитрій Александровичъ, сынъ Александра Невского, съ 1276 по 1294 годъ. Сей злополучный Князь гонимъ былъ роднымъ братомъ и Ташарами.

Андрей Александровичъ съ 1294 по 1304 годъ. Сей Князь обезславилъ себя коварными происками противъ брата своего. Онъ искалъ благоволенія Ташаръ, забывая пользы Ошечесхва. Въ щасію, меньшей его братъ Данило Александровичъ, учинясь 1290 года первымъ Московскимъ Княземъ, поддержалъ славу и добродѣтели великаго отца своего.

Михаилъ Ярославичъ съ 1304 по 1318

годѣ. При семѣ Князѣ происходили прѣнія о княженіи Московскомѣ.

Юрій Даниловичъ съ 1318 по 1323 годѣ. Сей Князь, женись на сестрѣ Царя Ордынскаго, получилъ княженіе Московское.

Дмитрій Михайловичъ съ 1324 по 1326 годѣ. Димитрій, убійца Юрія, домагаясь престолоа, получилъ казнь.

Александръ Михайловичъ съ 1326 по 1328 годѣ. Псковскіе жители доказали, какѣ Рускіе умѣюмѣ любить злополучнаго и гонимаго Князя.

Иванъ Даниловичъ Калита съ 1328 по 1341 годѣ, сынъ Данилы Александра и достойный наслѣдникъ Московскаго княженія. При немѣ Пешрѣ Митрополитѣ основалъ Россійскую Митрополию въ Москвѣ.

Семенъ Ивановичъ Гордый съ 1341 по 1353 годѣ. Сей Князь названъ Гордымъ не за высокомеріе, но по причинѣ важнаго его вѣда.

Иванъ Ивановичъ съ 1353 по 1359 годѣ. При семѣ Князѣ Митрополитѣ Алексѣй, ходившій въ Орду, отправилъ новое нашествіе на Россію.

Дмитрій Константиновичъ, Князь Суздальскій, съ 1359 по 1362 годѣ. Пользуясь малолѣтствомъ Князя Димитрія Ивановича, выпросилъ себѣ въ Ордѣ вѣрховное княженіе.

Дмитрій Ивановичъ съ 1362 по 1389 годѣ. Александръ Невскій поддержалъ имя Русское въ Ордѣ; Димитрій первый изъ Князей

Рускихъ началъ попрысашъ могущесшво Царей Ордынскихъ.

Василій Дмитріевичъ съ 1389 по 1425 годъ. Князь *Василій* сшрадалъ неоднократно ошъ довѣренности къ Ташарамъ и ошъ привязанности къ неопышнымъ временщикамъ.

Князь *Василій Васильевичъ Темный* съ 1425 по 1462 годъ. Сей Князь названъ *Темнымъ* пошому, что лишенъ былъ зрѣніа злобою родшвенной.

Содержаніе сей третіей Часши почерпнушо изъ книгъ *Степенныхъ* или *Родословныхъ*, въ сочиненіи кошорыхъ учасшвовали *Митрополишы Кипріянъ* и *Макарій*; изъ *Лѣтописи Никона* и другихъ Рускихъ *Лѣтописцевъ* *Жизней Кипріана*, *Макарія* и *Никона* не предлагаю въ оемъ оглавленіи; оныя помѣщены въ *Исторіи* моей.

РУСКАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ НА РОССІЮ
ДО НИЗВЕРЖЕНІЯ ИГА ИНОПЛЕ-
МЕННАГО,

ТО ЕСТЬ ОТЪ 1224 ДО 1462 ГОДА.

ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ НА РОССІЮ ДО
НИЗВЕРЖЕНІЯ ИГЪ ИНОПЛЕМЕННАГО,

ТО ЕСТЬ ОТЪ 1224 ДО 1462 ГОДА.

*Отъ битвы съ Татарамъ на берегахъ рѣки
Калки до вторитнаго ихъ нашествія на
Россію подъ предводительствомъ Батыею,*

ТО ЕСТЬ ОТЪ 1224 ДО 1237 ГОДА.

До нашествія Татаръ Россія была пространною областію; сильною не могла быть пошому, что въ ней не существовало порядка и единообразнаго управленія. Междоусобныя распри возмущали внутренность нашего Ошечества и разрушали единодушіе, безъ котораго ненадежны ни пространство земли, ни многочисленность народа. Въ то самое время, когда Россія часъ ошъ часу ослабѣвала ошъ распрей властолюбивыхъ Князей и ошъ происковъ коварныхъ ихъ наушниковъ; въ то злополучное время раздѣленія областей Рускихъ и разторженія связей общественныхъ, появились Татары или

Монголы, народъ, дошолъ Рускимъ неизвѣстный, но громомъ оружія своего огласившій предѣлы *Азіи*. Повѣствуютъ, что *Темугинъ*, прославившійся подъ именемъ *Чингисъ Хана* или *Царя-Царей*, отправилъ сына своего *Чуги* въ западныя страны Каспійскаго моря для покоренія *Кипчаковъ*, обитавшихъ между *Ураломъ* и рѣкою *Волгою*. По мнѣнію другихъ, *Чуги*, негодуя на отца своего за то, что поручилъ главное начальство надъ войскомъ брата его *Угадаю* или *Октаю*, самовольно съ сильнымъ ополченіемъ перешелъ около 1220 года въ *Дашту-Кипчакъ*, въ тѣ обширныя равнины, гдѣ владычествовала *Золотая Орда*, отъ которой въ послѣдствіи возникли скопища *Татаръ Астраханскихъ, Казанскихъ и Крымскихъ*. Главною причиною нашествія *Татаръ* была завоевательная страсть, внушенная въ нихъ *Чингисъ-Ханомъ* и ушвержденная громкими его побѣдами. По свидѣтельству *Карлина*, отправленнаго посломъ къ *Батю* Папою *Инокентіемъ Четвертымъ*, *Чингисъ Ханъ* узаконилъ, что *Татары* должны покорить вселенную, и предписалъ заключать миръ съ народами тогда только, когда поработятъ ихъ.

Подлинное происхожденіе почти всѣхъ

племенѣ скрывается во мракѣ неизвѣстности. Исторія наблюдаетъ народы съ того времени, когда они дѣлами своими начали способствовать къ пользѣ, или ко вреду общества и человечества. Имя Ташарѣ возвысилось бѣдствіями народовѣ и паденіемъ Царствѣ. Отъ рѣки ли *Татары*, или отъ вождя своего проименовались они *Татарами*, не лзя сего опредѣлить; но по дѣламъ ихъ извѣстно¹, что они жили не для созиданія, а для разрушенія обществѣ. Въ предѣлахъ Азіи, обитая на возвышеннѣйшемъ пространствѣ, смежномъ съ Индіей, Персіей, съ Каспійскимъ моремъ, съ Японскимъ и съ Китаемъ, они съ возвышенной страны своей бурными пекли потоками къ наводненію Царствѣ кровію и грабежемъ. Семейства ихъ и собственность, все заключалось въ воинскомъ станѣ. Привыкши владѣть силою, они презирали слабость. Ташары не умѣли любить и уважать матерей. Такой народъ есть врагъ общежитія и бичъ человечества.

Побѣдя въ предѣлахъ Азіи болѣе двадцати народовѣ, Ташары довели до превосходной степени гибельный образъ войны, извѣстный подъ именемъ *нашествій*. Въ переходахъ по

дальнимъ странамъ они были легки и быстры, какъ духи злобы и истребленія. Въ войскахъ ихъ соблюдался порядокъ и строгое повиновение. Каждый десятокъ, по учрежденію Чингисъ Хана, имѣлъ своего начальника; десятокъ, не помогавшій другому десятку въ случаѣ опасности, подвергался смертной казни. Десять начальниковъ подчинены были сотнику; десять сотниковъ повиновались тысячнику; десять тысячъ составляли отдѣленіе подъ предводительствомъ особеннаго вождя. Всѣ нашествія ихъ производились конницею. Усмотрѣвъ непріятеля, Татарскія передовыя войска начинали перестрѣлку; пуска по три и четыре стрѣлы, и не успѣвъ произвести безпорядка, возвращались къ рядамъ своимъ. Симъ мнимымъ бѣгствомъ заманивали они непріятеля въ учрежденную засаду. Оцѣ войска сильного и превосходнаго числомъ уклонялись въ другія мѣста, гдѣ все предавали огню и мечу; или отступя на десять переходовъ и болѣе, укрѣплялись, выжидали непріятеля, и не давъ ему отдохнуть и устроиться, внезапно и быстро нападали. Къ отраженію непріятельской конницы выставляли пѣшихъ и чужестранцевъ отдавая ихъ на жертву вмѣстѣ себя. Сія

передовыя жертвы назывались у нихъ погибшими. Всегда употребляли превосходныя силы и размѣщали полки свои такъ, чтобы они казались многочисленнѣе. Старались обхватывать съ крыльевъ и обходить.

Изъ странъ Азіатскихъ Таттары перенесли за Волгу воинское правленіе, уловляющее умы и взоры одними обманчивыми обрядами. При постановленіи Хана главной Заволжской Орды, на прекрасной равнинѣ вдоль прозрачнаго источника, льющагося между горъ, раскидывался шатеръ на столбахъ, покрытыхъ золотыми бляхами и укрѣпленныхъ золотыми гвоздями. Отъ сей блестящей наружности произошло названіе Золотой Орды. Верховные чиновники, принеся вызолоченной спулѣ и посадя Хана, говорили: «Мы хотимъ, просимъ и повелѣваемъ, прими надъ нами власть и могущество.» Ханъ отвѣчалъ: «Буду владыкой вашимъ, но вы повинуйтесь безпрекословно: жизнь и смерть ваша будутъ въ моихъ рукахъ.» Чиновники возглашали: «Мы согласны.» Ханъ прибавлялъ: *отнынѣ мое слово будетъ остріемъ меча!* Послѣ сего съ золотого спула пересаживали Хана на войлокъ и вѣщали ему: «Смотри вверхъ и призывай Бога; смотри внизъ и помни ни-

чтожность свою. Естли будешь правосуденъ, щедръ, справедливъ, естли будешь чтити и уважать Князей и чиновниковъ, ты увѣнчаешься славой, великолѣпіемъ, ты будешь любимцемъ Небесъ; естли же опертнешь правосудіе, естли возмнишь, что ты все, а мы *никто*, тогда лишишься и ничтожнаго войлока, на которомъ сидишь.* Сіи обряды установились при наименованіи Чингисъ-Хана Царемъ - Царей. Произнесенная ему рѣчь оканчивалась: «естли употребишь во зло власть, то будешь чернѣе войлока, которой подъ тобою.» Власть, основанная на *остріи меча*, клевета на правосудіе. *Воинское правленіе* есть заговоръ нѣсколькихъ хитрыхъ властолюбцевъ; поддерживая другъ друга, они жертвуютъ другими прихотямъ и страстямъ своимъ. Всѣ завоеватели, порабощая народы мечемъ, умы ихъ уловляли обольщеніемъ.

Противъ опытныхъ и хитрыхъ враговъ, сражавшихся и побѣждавшихъ подъ знаменами Чингисъ-Хана около двадцати лѣтъ, Рускіе вышли съ рѣшительною отважносстью, но вовсе не зная ни Татаръ, ни образа ихъ войны. Пылая природною храбростью, Рускіе никогда не справлялись о числѣ непріятель-

лей; съ малыми дружинами нападали на превосходное число враговъ; стояли и бились до изнеможенія силъ. Такія качества хороши въ обыкновенной войнѣ, но не въ отраженіи нашествій.

1224 Года Таттары, питомцы буйнаго завоевателя *Чингисъ-Хана*, перешедъ Волгу, устремились къ Дону въ страны Половецкія. При угрожавшей опасности Половцы прибѣгли къ Рускимъ Князьямъ, умоляя о защитѣ и помощи. *Котякъ*, Князь Половецкій, посѣвши къ зятю своего Князю Мстиславу Мстиславичу Галицкому. «Естьли не ополчимся на Татаръ совокупными силами,» сказалъ *Котякъ*: «то, что мы нынѣ потерпѣли, тому вы задрѣ подвергнетесь.» Съ такою же прозьбою отправились Половецкіе послы къ Кіевскому Князю *Мстиславу Романовичу*. Прозорливый *Мстиславъ* немедленно пригласилъ на совѣщаніе всѣхъ Удѣльныхъ Князей, находившихся подъ его управленіемъ. Онъ извѣстилъ и Князя Владимірскаго о нашествіи иноплеменниковъ. Черниговскіе и Сѣверскіе владѣльцы согласились собрать дружины свои; но Князь Владимірскій, отдѣленный обласпями отъ Князя Кіевского, отдѣленъ былъ и усердіемъ къ общей пользѣ. Единственно по

убѣжденію племянника своего Князя Васильки Ростовскаго, послалъ онъ восемь сотъ воиновъ. Властолюбіе влекло Татаръ къ завоеванію вселенной, властолюбіе возбуждало и Удѣльныхъ Князей къ самовластію и несогласіямъ.

Между тѣмъ Рускія войска, шедшія внизъ подлѣ Днѣпра, остановились пропивъ острова Баряжскаго, названнаго симъ именемъ можетъ быть отъ того, что Баряги, издревле плававшіе въ Черное море, останавливались на семъ мѣстѣ. Въ станѣ Руской прибыли Татарскіе послы. Привыкнувъ покорять народы оружіемъ и обольщеніемъ, и наблюдая главное правило завоевателей, чтобы сперва раздѣлять народы, а потомъ по очереди ихъ порабощать, послы Татарскіе съ приговорнымъ миролюбіемъ сказали: «мы всѣ братья, мы всѣ чада Адамовы; почто намъ враждовать между собою, почто напрасно проливать кровь? Мы пришли не на Рускихъ, но на Половцевъ, старинныхъ нашихъ рабовъ. Они послушники, они бѣглецы; мы ихъ хотимъ усмирить.» По наущенію ли Половцевъ, или для того, чтобы послы Татарскіе не извѣстили о числѣ Рускихъ войскъ, или по негодованію къ народу, которой, не объявляя войны,

шелъ на разореніе областей, Рускіе Князья предали пословъ смерти (*). Хитрые Татары отправили къ Рускимъ Князьямъ вторичное посольство съ сими словами: «По наущенію Половцевъ вы убили нашихъ пословъ; вы вооружились на насъ, а мы ничѣмъ васъ не обидѣли. Богъ да разсудитъ насъ; Онъ есть общій Творецъ и питатель.» Призывая общаго Творца и питателя людей, Татары забыли, что Отецъ и питатель народовъ не велитъ губить челоуѣчества. Божество завоевателей—властолюбіе; средства къ порабощенію народовъ—сила и обольщеніе.

По отпускѣ вторичнаго Татарскаго посольства, Князь Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій переправился съ десятью тысячами конницы черезъ Днѣпръ; Кіевскій Князь, также перешедъ за Днѣпръ, остановился у рѣки Хортицы. Юные Князья услыша, что пере-

(*) Не въ одной Руской землѣ, но и въ другихъ странахъ гнушались Татарами, посягавшими на безопасность и бытіе народовъ. Карлинъ рассказываетъ, что нѣкоторые изъ его служителей, по прозвѣбъ Кардинала Нѣмецкаго *Легата*, наряженные въ Татарскую одежду, едва не были на дорогѣ убиты Нѣмцами.

довья Татарскія стражи приблизились для
 обозрѣнія Рускихъ войскъ, влезъ на коней,
 пустились къ нимъ и послали сказать Мсти-
 славу *Галицкому*, чтобы онъ за ними по-
 спѣшалъ. Увлекаясь воинскимъ жаромъ, Ру-
 скіе спрѣлки вѣ слѣдъ за юными Князьями
 устремились въ поле, встрѣпили Татаръ и
 отважно поразили. Князь Мстиславъ Мсти-
 славичъ, и во время общей опасности пи-
 тая зависть, раздѣлявшую Рускихъ Удѣль-
 ныхъ Князей, не извѣстя Князя Кіевскаго,
 перешелъ съ полками своими за рѣку *Калку*.
 Вѣроятно, что сія рѣка есть та самая, ко-
 торая течетъ въ нынѣшней Екатеринослав-
 ской области подъ именемъ рѣки *Калміусъ*.
 Опытные Татары посредствомъ притворна-
 го бѣгства заманили Мстислава далѣе въ
 степь. Утомля Рускіе полки, Татары сильно
 и стремительно напали совокупными силами.
 Князья Рускіе мужественно вступили въ бой.
 Олмнадцатилѣтній Князь *Данила Романови-
 чъ*, пораженный въ грудь, и не смотря на
 ліющуюся кровь изъ раны, быстро мчался
 на конѣ и поражалъ враговъ. Мстиславъ
Ярославичъ Луцкій, родственникъ отца юна-
 го Данила, и по любви къ сему Князю обѣ-
 щавшій ему въ наслѣдство свой удѣлъ, Мсти-

славѣ, видя изнеможеніе юнаго родственика, возопилѣ къ дружинѣ: «Защитайше Дніида; опмстимѣ за кровь его!» Убійство продолжалось; воины и Князья упали подѣ удрами враговѣ. Кровь лилась рѣками; отѣ самаго начала земли Руской не было такой битвы. Мстиславѣ Галицкій, разкаясь въ неосторожности своей, звалѣ на помощь Кіевскаго Князя; но тщетно: негодуя за ослушаніе, онѣ оставилѣ его на произволѣ враговѣ. Онѣ видѣлъ гибель братьевѣ своихѣ и неподвижно стоялѣ у каменистаго берега *Калки*. Вражда соотечественниковѣ съ отечественниками заглушала всѣ чувствія, кромѣ ненависти:

Между тѣмѣ Половцы, преслѣдуемые Татарами, опшянулись, обходя болото; Татары начали ихѣ окружать. Въ ужасѣ и смятеніи Половцы поспѣснились къ Рускимѣ полкамѣ; быспрымѣ нападеніемѣ Татары воспрепятствовали имѣ соединиться и не дали времени Кіевскому Князю успроить войска. Препрѣвая повсемѣстное нападеніе, Князь Кіевскій укрѣпился на берегу *Калки*, къ чему способствовалѣ ему лѣсъ, по ней распуцій. Сильно опбивался онѣ три дни, и наконецѣ сдался на условіе. Вѣроломные Татары, не уважая ни мужества, ни договоровѣ,

предали его мучительной смерти и той же участи подвергли бывшихъ съ нимъ Князей; «Ни на слова, ни на обѣщанія Татарѣ,» говоритъ Карлинъ: «не лзя полагаться. Они льстятъ и обманываютъ; они рѣшились истребить Начальниковъ всѣхъ народовъ и всѣ войска.» Такъ поступали Татары и всѣ завоеватели, въ буйственной гордынѣ алкавшіе обладать вселенною.

Князь Мстиславъ Галицкій въ безпамятствѣ переправляясь черезъ Днѣпръ, приказалъ рубить суда, отъ чего много погибло Рускихъ, за нимъ слѣдовавшихъ. На Калкскомъ сраженіи Рускихъ пало семьдесятъ, а Татарѣ болѣе ста тысячъ. Полагаютъ, что и вождь ихъ Чуги, сынъ Чингисъ-Хана и опецъ Батые, находился въ числѣ убитыхъ. Татары, разспрошенные Калкскою битвою, не дерзнули обезпечить ни Кіева, ни Чернигова, узнавъ, что у сего города находится Русское войско, хотя тамъ было только восемьсотъ чело-вѣкъ съ Княземъ Василькою Ростовскимъ, неспѣвшимъ на Калку. Князь Владимиръ Руриковичъ Смоленскій, съ пяти тысячною дружиною поражающій Татарѣ при отступленіи, избранъ былъ на Кіевскій престолъ. По сказанію лѣтописцевъ, въ сраже-

ни съ Татарами убито семдесятъ Рускихъ богатырей, въ числѣ которыхъ были *Александръ Поповичъ* и *Добрыня Рязаничъ* золотой поясѣ. Естлибѣ Князя удѣльные столько же явили единодушія, сколько оказали мужества и отважности, по имя Татарѣ, невѣдомое въ Руской землѣ до Калскаго сраженія, и послѣ сей битвы, никогда бы уже въ ней не повторялось, Хотя Россія обезсилѣла, хотя многіе города опустѣли, но Татары поспѣшили за Волгу.

Страсни превозмогаютъ опытъ и осторожность. И послѣ злополучной Калскай битвы, потерянной отъ несогласія, Рускіе Князя не приняли никакихъ благоразумныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію опечесства отъ новаго покушенія иноплеменниковъ; нашествіе Татаръ было для нихъ мгновенною грозой. Князя не образумились, не утвердились согласіемъ и единодушіемъ; не старались прекратить частныхъ раздоровъ и соединить къ общей оборонѣ дружины, раздѣленные мѣстнымъ владычествомъ.

Слыша о бѣдствіи земли Руской, безпокойные *Литовцы* 1225 года устремились на разореніе Новгородской и Торопецкой

области; около *Торжка* распространя грабительство и пожары, устремились къ *Старой Русѣ*, гдѣ были поражены.

Въ сихъ бѣдспеечныхъ обстоятельствевахъ, когда *Татары* и *Литовцы* съ разныхъ сторонъ утѣсняли Россію, нѣкоторые великодушные сыны Опечесства преклоняли Князей къ миру и согласію. Они убѣждали ихъ, что при междоусобныхъ распряхъ трудно и невозможно защитить Россію. Такъ мыслилъ и новый *Кіевскій Князь Владимиръ Руриковичъ*; по же самое старался онъ внушить и Князю *Владимирскому*; убѣжденія его не подѣйствовали. Проникли злоумышленниковъ побѣдили усердіе къ общей пользѣ.

Отразя постороннихъ враговъ, *Новгородцы* и *Псковитяне* возмутились домашними несогласіями 1223. Сіе обстоятельство достопамятно мирнымъ договоромъ *Псковитей* съ *Рижанами*.

1222 Года Князь *Ярославъ Всеволодовичъ*, отецъ *Александра Невского*, вмѣстѣ съ *Новгородцами* и *Псковитянами* воевалъ въ *Нѣмецкой* области *Колывани*, или въ нынѣшней *Ревельской* странѣ, за то, что жители оной уговорили *Литовцевъ* не плащить

дани Новгородцамъ и выгнали сборщиковъ ихъ. Опустиша *Колыванъ*, Ярославъ возвратился съ бѣгатою корыстью, изъ которой ничего не удѣлилъ Псковитянамъ до 1228 года. Не расплатясь съ ними, вознамѣрился онъ въ сей годъ вознаградить ихъ дарми, и вмѣстѣ съ Новгородскимъ Посадникомъ *Иваномъ* отправился во Псковъ. Хотя кромѣ провожатыхъ не было съ Княземъ никакого войска; но одинъ изъ клеветниковъ, привыкшихъ выслуживаться ложными вѣстями, разгласилъ, будто бы Ярославъ, посягая на свободу Псковитянъ, везетъ съ собою оковы для заключенія въ оныя первостепенныхъ чиновниковъ. По обычаю того времени слѣдовало сперва извѣстить, что Новгородскій Князь желаетъ посѣтить Псковъ; Ярославъ сего не сдѣлалъ. Вольный народъ, всегда склонный къ подозрѣнью, повѣрилъ клеветѣ. Псковитяне, затворясь въ городъ, не пустили Князя. Оскорбленный симъ отказомъ, Ярославъ возвратился въ Новгородъ, и собравъ *Веге*, жаловался, что Псковитяне за пріязнь его и доброжелательство оказали ему презрѣніе и ненависть. «Я вѣзъ къ нимъ подарки,» сказалъ онъ: «а не оковы; злобные наущники меня оклеветали.» Опасаясь вражды

Псковитянѣ и не надѣясь на Новогородцевѣ, послалъ онѣ въ Переяславѣ за войскомѣ. Въ сіи смутныя времена соотечественники принимали въ мѣры осторожности противѣ соотечественниковѣ, а не противѣ враговѣ иноплемменныхѣ. По прибытіи Переяславскаго войска, Князь уѣхалъ, что онѣ намѣренѣ идти съ нимѣ къ Ригѣ; а недоброжелатели его разглашали, что онѣ хочѣтъ мстить Псковитянамѣ. Опасаясь непріязненныхѣ покушеній Князя Ярослава, Псковитяне вступили въ союзѣ съ Рижанами, выключая изѣ онаго Новогородцевѣ. «Если Новогородцы пойдутѣ на Псковитянѣ», сказано было въ договорѣ: «то Рижане обѣщаютѣ вспоможеніемъ всею силою; а если Литва ополчится на Рижанѣ, то Псковичи обязаны имѣ помогать, но противѣ Новогородцевѣ не будутѣ дѣйствовать съ Рижанами.» Въ обезпеченіе сего договора съ обѣихѣ сторонѣ дали по осьми заложниковѣ. Новогородцы возроптали, вступились за Псковитянѣ и укоряли Князя, что онѣ не Ригу, но Псковѣ хотѣлъ покорить. Видя волненіе Новогородцевѣ, Ярославѣ послалъ къ Псковитянамѣ Мишу звонца съ сими словами: «Дивлюсь, что вы заключили мирѣ съ невѣрными, а Князя своего

отвергаете. Ополчитесь вмѣстѣ со мною; увѣрю васъ, я не мыслилъ и не хочу замѣ никакого зла. Но клеветники должны быть наказаны; они насъ разсорили; выдайте мнѣ ихъ.» Отыѣтъ на сіи слова привезъ Ярославъ Псковитянинъ Грегинъ. Оты лица согражданъ своихъ, посолъ сказалъ: «Мы кланяемся Князю Ярославу и братьямъ нашимъ Новгородцамъ; но на войну съ вами не идемъ и братьевъ нашихъ, которые говорятъ намъ правду, не выдадимъ. За мирный нашъ союзъ съ *Рижанами* насъ не лзя укорять. Мы всѣ Адамовы дѣти, мы всѣ дѣти одного семейства: вотъ почему хотимъ жить въ покоѣ и любви, а не во враждѣ. Беззаконію *Рижанъ* не прилѣпляемся; любимъ миръ: онъ для всѣхъ полезенъ. Разсуди самъ, Князь умный и прозорливый: естли *Рижане*, видя кротость и пріязнь нашу, обратятся на путь истины и спасенія, то не произойдетъ ли изъ того для насъ честь и польза? Естли же они и не перемѣнятся, то и тогда намъ нѣтъ вреда и безчестія. Не *Рижанами*, мы вами обижены. 1222 Года мы ревностно ходили съ вами къ *Колывани*; вы не взяли по общему согласію города; вы получили большую корысть, и

намъ ничего не удѣлили. У ^уКеси и у Медѣ-
жей головы вы также поступили съ нами, и
братья наши погибли на озерѣ. Вы начинае-
те войну, обогащаетесь добычею, а мы
остаемся жертвою ихъ, съ кѣмъ вы вое-
вали и отъ кого получили дань. Но ежели
слова наши васъ не убѣдятъ, ежели вы рѣ-
шились воевать съ нами, встрѣтимъ васъ
со Свящою Богородицею и съ поклономъ, а
не злобою и оружіемъ: Новгородцы изстари
намъ братья. Предайте насъ мечу, возьми-
те въ плѣнъ женъ и дѣтей нашихъ, истре-
бите городъ нашъ, ежели вы забыли прав-
ду и Бога!»

Новгородцы примирились съ Псковича-
нами; не смотря на усилія Князя, они не
хотѣли безъ нихъ идти на Рижанъ. Князь
опустилъ Переяславское свое войско. Пско-
вичане, получа извѣстіе, что Новгородцы
не хотѣли съ ними воевать, удалили при-
званные ими чужестранные полки, и выгоняя
изъ Пскова ихъ, которые у Ярослава при-
няли дары, сказали имъ: «Ступайте къ Кня-
зю своему; бы намъ не братья.»

Междоусобія и внутреннія заключенія
въ землѣ Руской не прекращались. 1230 Года
въ Новгородѣ произошли мятежи и крово-

пролитіе. Къ обузданію неистовыхъ страстей Небеса погнали наводненіе и неурожай хлѣба. Привыкнувъ самовольствовати, Новгородцы страдали и не усмирялись. 1231 Года Татары появились на берегахъ Волги и утѣснили Болгаръ, умолявшихъ Князя Юрія Владимірскаго, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ народа лютого и незвѣстнаго. По расчисленію мнимыхъ выгодъ, Князь отказалъ Болгарамъ, хотя и заключилъ съ ними мирный договоръ 1229 и хотя въ теченіе того года Болгары развозили хлѣбъ по Рускимъ городамъ, страдавшимъ отъ голода, а Князю Владимірскому подарили съ хлѣбомъ тридцать посадовъ, или барокъ. Не запасливость въ продовольствіи происходитъ отъ внутреннихъ неутоисствъ; неблагодарность за благодѣянія есть слѣдствіе развратныхъ страстей. Князь Владимірскій надѣялся, что изнеможеніе Болгаръ, его сосѣдей, распространитъ и утвердитъ его владычество: правило ложное и пагубное, которое во всѣ времена отдавало въ жертву завоевателямъ области и народы.

1235 Годъ предвѣстилъ паденіе Россіи на нѣсколько сполѣтій. Добродѣтель безмолвовала, распри и крамолы повсюду кипѣли,

Во времена удѣльнаго правленія каждый удѣльный Князь имѣлъ свой дворѣ. Отъ раз-
множенія Княжескихъ дворовъ умножились
временщики, льстецы, себялюбцы и враги
общей пользы. Обольщая Князей и уловля-
я ихъ въ сѣти свои, они каждому изъ нихъ
внушали пагубное исканіе *первенства* и вла-
дычества. «Горе,» говоритъ *Татищевъ*:
«горе льстецамъ и клеветникамъ, которые
алча почестей и богатствъ, возбуждаютъ
Государей къ кровопролитію и къ погубленію
людей, нужныхъ Отечеству!» Временщики
и льстецы, ослѣпляясь личными выгодами,
забываютъ, что съ разрушеніемъ общаго
блага ниспровергнутся и личныя ихъ выгоды.
Отъ внушеній коварныхъ временщиковъ и
клеветниковъ загорѣлись распри въ Черниго-
вѣ, Смоленскѣ и въ Галичѣ *Волынскомѣ*; во-
зобновились подкуны, измѣны и кровопро-
литіе.

1237 Года, какъ будто бы въ ознамено-
ваніе мглы, помрачавшей умы власполюби-
выхъ Князей и коварныхъ ихъ льстецовъ, и
въ предвѣстіе грознаго Батыева нашествія,
было необычайное солнечное затмѣніе, произ-
ведшее въ народѣ страхъ и препетіе.

*Отъ нашествія Батыя на Россію до
Задонскаго побоища,*

то есть отъ 1237 до 1381 года.

Повѣствуютъ, что Чингисъ-Ханъ, при концѣ жизни своей раздѣляя обширныя свои завоеванія, назначилъ внуку своему Батыю, сыну Чегучеву, страны отъ Урала до Днѣпра, называемыя Тапарами землею *Дашта Кипчакскою*. Изъ сихъ странъ нѣкоторая еще только часть принадлежала Тапарамъ; но Чингисъ-Ханъ зналъ, что Батый пойдетъ по слѣдамъ отца своего Чегуча; онъ готовилъ его къ тому. Вскорѣ двинулся кровожадный Батый съ несмѣрнымъ ополченіемъ, алча владычества и не насыщаясь владычествомъ. Уже имя его гремѣло въ предѣлахъ Азіи. Вступя въ Россію, покорила онъ *приволжскихъ Болгаръ*, а опшуда чрезъ лѣса усстремился въ землю Рязанскую. Остановясь на рѣкѣ *Узлѣ*, отправилъ пословъ требовать отъ Рязанскихъ Князей дани и покорности по самовольному праву мнимаго владельца в еленной. Губители человечества севодни мечтаютъ о всемірномъ обладаніи, а завтра повергаются въ тѣсный

гробъ, въ жертву плѣнія и праха! Но гордыня и буйство губящъ и себя и другихъ.

Рязанскій Князь *Юрій Игоревичъ* послалъ гонцовъ съ вѣстію о новомъ нашествіи Татаръ къ Князю Владимирскому, къ Князю Муромскому, въ Князьямъ Пронскимъ и къ другимъ удѣльнымъ Князьямъ. Князь Владимирскій, надѣясь на силы свои; не внялъ ни благоразумію, предписывающему осторожность и содѣйствіе въ общей напасти; ни Вѣрѣ, повелѣвающей умирашь за братьевъ и соотечественниковъ: Князь Кіевскій, Князья Черниговскіе и Сѣверскіе также опровергли убѣжденіи Рязанскихъ Князей. Причиной отказа была малодушная зависимость и алчность къ власнолюбію: Сии неисшова страсти обуяли Князей недоумѣніемъ, страхомъ и трепетомъ. Одинъ только Князь Муромскій и Князья Пронскіе, немедленно повѣстля поголовное вооруженіе, поспѣшили въ Рязань на совѣщаніе. Сбѣхавшіеся Князья рѣшились умереть, но не быть данниками иноплеменниковъ. «Опцы и дѣды наши,» сказали они посламъ Татарскимъ: «никому не плащили дани и никогда не были рабами; они умирали за честь и Опечесство: и мы умремъ, или побѣдимъ. Батый пре-

буешь десятой части нашихъ имуществъ; мы не властны приказанъ подданнымъ нашимъ плащитъ данъ иноплеменикамъ; но мы можемъ ополчиться съ ними за Вѣру и за нашъ родной край. Не мы вызвали Батюя; онъ идетъ на насъ: исполнимъ нашъ долгъ и ополчимся. Когда насъ не будетъ, тогда все будетъ его.» Отославъ пословъ, Князя Рязанскіе устремились на встрѣчу Тапаръ и мужественно сразились; но они одни были! Уступя многочисленности, Рускіе Князя съ остатками дружинъ поспѣшили въ уѣблы свои. Грозно ворвались Тапары въ землю Рязанскую; огонь и мечъ повсюду свирѣпствовали; ни старость, ни младенчество; ничто не было пощажено. До рубежей *Пронскихъ* простѣрлись ужасъ и опустошеніе. Князя Рязанскіе укрѣпились въ городскихъ стѣнахъ, неуспрашимо защищались, погибли подъ мечами враговъ и мужествомъ своимъ помрачили шоржество лютаго Батюя: они пали на родной землѣ, за землю родную! Рязанскій Князь Юрій Игоревичъ, проливъ кровь въ одно время съ братомъ своимъ Олегомъ Игоревичемъ, увѣнчался смертію за Отечество. На славномъ поприщѣ постигло ихъ злоподоу-

чіе; но не одиѣ только щастливыя побѣды украшаются славою; всякая жертва Ощечеству славна и безсмертна!

Разоря Рязань, Тагары пошли въ Коломнѣ. Видя тучу, приближающуюся къ области Владимирской, Князь Юрій пробудился отъ бездѣйсствія и отправилъ къ Коломнѣ сына своего *Всеволода*. Едва показалась Владимирская дружина, Тагары окружили ее, истребили и взяли въ плѣнъ Князя *Владимира*, Всеволодова брата. Всеволодъ, спасшись съ нѣсколькими провожаемыми, принесъ во Владимиръ плачевную вѣсть, что уже поздно думать о защитѣ. Шумнымъ приливомъ пощекли иноплеменники въ Москву; все было истреблено; мракъ и безмолвіе воцарились въ осиротѣвшихъ ея сѣняхъ!

Слонъ и плачь раздались во Владимирѣ. Разкавшійся Князь, прибѣгнувъ къ Богу, рѣшился идти въ Ярославъ на Волгу. При прощаніи Князя съ супругой, дочерями и малолѣтними дѣтьми; при прощаніи воиновъ Владимирскихъ съ родственниками и друзьями, рыданія и вопли заглушали слова: они обнимали другъ друга въ послѣдній разъ! Князь Владимирскій посѣвшилъ на Волгу

сѣ роднымъ племянникомъ своимъ Василькою
 Константиновичемъ и сѣ двумя его братьями.
 Въ ожиданіи изъ Новгорода Ярослава Всево-
 лодовича, брата Князя Владимирскаго, они
 начала укрѣплять станъ свой. Между тѣмъ
 Татары приступили уже къ Владимиру. Му-
 жеславенные Владимирцы пустили со сѣбѣ
 стрѣлы; но Татары, искусные во вѣзат-
 ныхъ пораженіяхъ, подошедъ къ Злопымъ
 воротамъ, показали имъ Владимира, сына
 Князя Владимирскаго. При семъ видѣ жи-
 тели возрыдали. Тщешно сопровождался
 они; стрѣлы ихъ сокрушились отъ уда-
 ровъ осадныхъ Татарскихъ орудій. Сѣ по-
 явленіемъ враговъ запылала новая городская
 часть; Князь Всеволодъ, братъ его и мно-
 жество Бояръ кровію своей обогрили улицы
 Владимирскія. Епископъ *Митрофанъ* вмѣстѣ
 сѣ супругою Великаго Князя, сѣ дочерьми,
 сѣ малолѣтними дѣтьми, со всѣми родствен-
 ницами вбѣжали въ Дмитріевскій Соборъ, и
 готовясь на смертный подвигъ, причастились
 Святыхъ Таинъ. Утвердясъ Вѣрою, затво-
 рили врата церковныя и удалились въ покои,
 устроенные на верху трапезы. Въ щастли-
 вые дни жизни своей, по скромности, укра-
 шавшей Россіянокъ, супруги и дщери Княже-

скія, уклоняясь отъ изорозъ любопытныхъ и
видимыхъ однимъ Творцемъ небесъ, изъ оп-
верстїй сихъ покоевъ принимали службъ Божі-
ей. Вскорѣ ворвались Тапары и въ старую
часть Владимира. Узнавъ, что семейство
Князя Владимирскаго зашворилось въ церкви,
они устремились туда, выломали двери, не-
истово поразили всѣмъ встрѣтившихся, и
вдругъ укропя ярость, съ лестію сзывали
съ верху Княгиню, дочерей и родственницъ
ея. Не внемля обольщенію, супруга Кня-
зя Владимирскаго, окруженная малолѣт-
ными дѣтьми, дочерями и родственницами,
съ колѣнопреклоненіемъ возсылала моленіе къ
Богу, защитнику невинности. Она знала,
что сошедъ на низъ, предастъ дочерей и
родственницъ на жертву неистовства; она
рѣшилась умереть; дочери и родственницы
ея спрашивались не смерти, но позора. Жа-
лостный топль дѣтей малолѣтнихъ поражалъ
ея слухъ; присутствіе свирѣпыхъ враговъ
еще болѣе возмущало ея душу. Непоколеби-
мая дѣбродѣпель усугубляетъ ожесточеніе
злодѣевъ. Тапары зажгли церковь. . . Изъ
пламени пожараго, души спрадальцевъ на
крыльяхъ Вѣры и надежды вознеслись къ
небесамъ!

Подобно рззробляющомуся грому, ино-
племенники раззбѣлились по городамъ Рускимъ.
Приходъ ихъ вездѣ означовывался убій-
ствомъ и разореніемъ. Въ теченіи Феврала
мѣсяца 1237 года взяли и опустошили они
чешырнадцать городовъ.

Какими вдругъ бѣдствіями пораженъ
былъ Князь Владимирскій! Все, чѣмъ жило его
сердце, все погибло. Исторія можешь укро-
питъ Князя Юрія Всеволодовича, чю онъ
самъ причиною напастей, его постигшихъ;
но сердце не можешь не соспрадать о
жребіи его: никто изъ смертныхъ не былъ
столь злополученъ. Получа вѣсть о гибели
престола, семейства и подданныхъ, Юрій
воскликнулъ: «Боже! не дерзю роптати;
Ты правъ; я виновенъ предъ Тобою! Но по-
чю мнѣ жить? Нѣтъ уже моеи супруги,
дочерей, дѣшей малолѣтнихъ, нѣтъ сыновъ
моихъ; они пали подъ мечами враговъ. Отецъ
любви и милосердія! соедини меня съ ними!
Они зовутъ меня къ себѣ; готовъ постра-
дать за Вѣру и за людей моихъ!»

Дружинѣ Князя Владимирскаго остава-
лась одна только славная смерть за Вѣру и
Опечество. Батый съ перваго шагу въ Рос-
сію сражался совокупными силами, а Рускіе

отдѣльными дружинами. Вездѣ Батый обходилъ, окружалъ и поражалъ. Такъ погибло и ополченіе Князя Владимірскаго; онъ палъ на мѣстѣ бѣшвы, происходиющей на рѣкѣ Сити. Племянникъ его Владиміръ Константиновичъ спасся съ остатками дружины. Рускіе вездѣ отважно бились; вездѣ по малолюдству своему были разсѣяны, нигдѣ не были побѣждены. Еслибы приняты были мѣры осторожности, и еслибы Рускіе сражались совокупными силами, то Батый не хвалился бы порабощеніемъ Россіи.

Погрѣшности Князя Юрія Владимірскаго произошли отъ домогательства первенства и отъ зависти, возмущавшей удѣльных Князей ко вреду Россіи и къ собственнѣй ихъ пагубѣ. Но онъ былъ добрый братъ и добрый родственникъ. Забывъ обиды, нанесенныя ему старшимъ его братомъ Константиномъ Всеволодовичемъ, и принявъ въ покровительство его сыновъ, онъ всегда былъ имъ опцемъ и другомъ,

Мужественный Князь Василька Ростовскій, родной племянникъ Князя Юрія, взявъ былъ въ плѣнъ. Удивляясь величественному его виду, отважности и неустрашимости, Таттары лестію и коварствомъ преклоняли

его, чтобы онъ, отпрѣкшись отъ Вѣры и соопечесшвенниковъ, участвоваѣ съ ними въ разореніи земли Руской. «Не соглашусь,» воскликнулъ великодушный Василька: «не соглашусь; готовъ умереть, но гнушаюсь измѣною, гнушаюсь вашими злодѣяніями. Боже! Тебѣ поручаю супругу мою Марію и сыновъ моихъ Бориса и Глѣба. Они уже не увидятъ меня. . . . Будь имъ отцемъ милосердымъ!» Мужественный спрдаецъ убитъ Ташарами близъ лѣса Шерейскаго. Мѣсто сіе священо для всѣхъ друзей Вѣры и добродѣтели. Туда поспѣшила нѣжная Василькова супруга; тамъ отыскала прупъ его, обогреный кровію, пролистою за Вѣру и Опечесство.

Князь Василька погибъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ; ему не было еще тридцати лѣтъ. Лице его блистало мужесствомъ и величіемъ; душа украшалась всѣми добродѣтелями. Сердца Ростовцевъ, сердца подданныхъ, такъ снылись съ благодѣтельнымъ Княземъ Василькою, что уже ни къ одному изъ наслѣдниковъ его не могли прилѣпиться; любовь ихъ сошла съ нимъ во гробъ.

Отъ береговъ рѣки Сити Ташары устремились къ Торжку, гдѣ предавъ все огню и

мечу, спѣшили кѣ Новгороду и были уже отъ него во сѣмъ верстахъ; но устращась Мартовской отпепели, возвратились въ Рязань, а отпуда пошли кѣ Козельску. Симъ городомъ владѣлъ юный Князь Василій Козля. Пылая отважностію, онъ убѣдилъ подданныхъ или опразитъ враговъ, или умереть за Вѣру и за честь. Батый со всѣми полчищами своими семь недѣль стоялъ подъ Козельскомъ; каждый день отъ упорной обороны Козельскихъ жилищей гибло множество Татаръ. Юный Князь не внималъ ни угрозамъ, ни обольщеніямъ. Наконецъ спѣны Козельска успушили силъ осадныхъ орудій. Татары ворвались въ городъ; началась битва сильная и кровопролитная. Малая дружина Рускихъ поражала несмѣтное ополченіе враговъ. Многие Татарскіе полководцы пали на мѣстѣ сраженія. Козельскій Князь, юный лѣтами, невозмужалый отважностію, умеръ подъ стѣнами опечественнаго города. За упорное сопротивленіе Батый проименовалъ Козельскъ: *злымъ городомъ*.

1238 Годѣ, по удаленіи Татаръ, принялъ Владиміргкій престолъ Новгородскій Князь Ярославъ Всеволодовичъ. Горестно воспоминашь, что онъ не только не вспомощество-

валъ брата своему Юрію, но и не прислалъ къ нему никакой вѣсти. Упрямство Новгородцевъ и мнимая осторожность были тому причиною. Онъ разсѣяніи силъ погибло порознь пятнадцать Князей. Ярославъ возвратился во Владиміръ съ семью сынами, оставя въ Новгородѣ отъчимаго своего сына Александра, прославишгося подъ именемъ Невскаго. На каждомъ шагу Ярославъ встрѣчалъ слѣды опустошенія; войны и поселане, избѣгшіе мечиноплеменниковъ, разсѣялись по лѣсамъ, по дебрямъ, по ершенамъ дикихъ звѣрей Ярославъ вызывалъ, собиралъ воиновъ и поселанъ; устраивалъ села и деревни; очищалъ города; возобновлялъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ; унищжалъ спрдаальцевъ и не щадилъ для нихъ имущества и казны своей. Государь, дѣлящійся съ подданными, обогащавшся ихъ щастіемъ. Небеса споспѣшествовали благимъ его намѣреніямъ. Тапарты, обезсиленные и утомленные побѣдами и убійствомъ, цѣлый годъ не превозжили земли Руской. 1239 Года, желая почтить память брата своего Князя Юрія, Ярославъ приказалъ привести гробъ его изъ Ростова во Владиміръ. Съ рыданіемъ и плачемъ встрѣтилъ онъ плѣн-

ные остатки страдальца и положилъ его во храмъ Божіей Матери подлѣ гроба отца его Всеволода. Въ сіи бѣдственныя времена братьямъ оставалось только рыдать и плакать надъ прахомъ братьевъ, отъ которыхъ отдалялись при жизни завистію, клеветою наушниковъ и неуполимою спрасію первенства.

1240 Года Татары возобновили нападенія и опустошенія въ Южной Россіи. Батый отправилъ Полководца своего *Менгука* требовать сдачи Кіева. Князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, бывшій въ сіе время въ Кіевѣ, отвергнувъ Менгуковы предложенія, удалился въ Венгрію. Того же года Кіевъ былъ взятъ Батыемъ. Сказываютъ, будто бы Кіевскій Воевода *Димитрій*, желая удалить Батю изъ Руской земли, присовѣщивалъ ему воевать съ Венграми. Батый не совѣщями, но спрасію къ завоеваніямъ увлеченъ былъ въ предѣлы Венгріи.

Во дни скорби и напастей, когда шумѣла повсемѣстная буря разоренія, Богъ не оставилъ Россіи. Къ сохраненію имени Рускаго и Россіи, Онъ послалъ Князя *Александра*, Перваго именемъ и дѣлами. Подъ властію иноплеменной, въ поработченной Россіи,

Александръ Ярославичъ соблюдалъ честь Россіи великодушнымъ терпѣніемъ и покорностію къ Провидѣнію. Сообразуясь съ обстоятельствомъ, не кичась и не унижаясь предъ врагами и утѣснителями Россіи, онъ дѣйствовалъ къ будущей славы Отечества.

Управляя своевольнымъ Новгородомъ и предостерегая Бояръ своихъ отъ несправды и корыстолюбія, онъ вѣщалъ имъ: «Будьте неусыпными стражами законовъ; гдѣ дремлетъ добродѣтель, тамъ буйствуетъ порокъ. Займите вдовъ, сиротъ, всѣхъ слабыхъ и гонимыхъ. Богъ видитъ ихъ слезы; Онъ слышитъ ихъ воздыханія; съ меня и съ васъ возмущенъ Онъ за слезы и скорбь сиротальцевъ. Не угождайте сильнымъ: предъ лицомъ правосудія всѣ равны. Если я отвергну слабого, если я буду пошворствовать сильнымъ, Богъ да обвинитъ меня предъ вами въ день судный!»

Пользуясь изнуреніемъ Россіи, Шведы, соединя силы различныхъ племенъ, имъ подвластныхъ, вошли въ Невскія степи и остановились при устьѣ Ижоры, откуда Король Шведскій отправилъ къ Князю Александру пословъ, требуя покорности. Новгородскій Князь отсылаетъ пословъ, идетъ въ Софію

скій храмъ и со слезами прибѣгаетъ къ Богу правды и карапелю гордыни. «Судія правосудный,» вѣщаешъ благочестивый Князь: «Тобою учреждены предѣлы земнымъ племенамъ; Ты не велишь пересступашъ въ чужія области. Врагъ строптивый велѣніе Твое нарушаешъ; ополчись на помощь сыновъ Твоихъ, да не рекутъ враги: гдѣ Богъ Рускихъ? Онъ съ нами, въ сердцахъ нашихъ; съ Нимъ пойдемъ на брань и на смерть!» Возставъ отъ олшаря Божія, принявъ благословеніе у Епископа Спиридона, и воскликнулъ: «Братья и друзья! не сила торжествуетъ, но правда. Съ нами Богъ, никто же на ны!»

Полетѣло воинство въ слѣдъ Князя и Геро; исчезли сонмы иноплеменные. Александръ увѣнчался именемъ Невскаго.

Послѣ одержанной побѣды надъ врагами, Новгородца, Александръ, для общей пользы, хотѣлъ возложить малую подать на Новгородцевъ. Ропотъ ихъ заставилъ его удалиться; съ нимъ удалась безопасность гражданъ. Нѣмцы вторгаются въ предѣлы Пскова и въ область Новгородскую; Новгородцы призываютъ Александра; онъ спѣшивъ на помощь неблагодарныхъ: съ приходомъ его возвращается побѣда. Отъ на-

шествіа Нѣмцовъ освобождаєтъ оубо Новгородъ и Псковъ 1243 годѣ. Александръ, странный на полѣ битвъ, великодушно отпустилъ плѣнныхъ; онъ не прощадиъ только возмутителей, которые коварными происками вовлекають въ напасти согражданъ своихъ. Истребленіемъ злодѣйства охраняется невинность. Вскорѣ потомъ Липовцы семью различными пушями успремились на разореніе земель, сопредѣльныхъ Новгороду. Александръ ополчился съ малою дружиною, вездѣ наснигалъ и вездѣ поражалъ враговъ. Быстропа замѣняєтъ малолюдство; надежда на Бога есть сопутница славы и побѣды.

Удѣльные Князья, нехотѣвшіе въ Олечествѣ жиць въ согласіи и единодушїи, принуждены стали повиноваться прихотямъ Царя иноплемениаго. По приказу гордаго Башы нѣкоторые Князья ходили уже на поклоненіе въ Орду; 1244 года Ярославъ, отецъ Князя Александра, принужденъ былъ предпринять сіе горесипное путешествіе.

Одержавъ побѣду въ Венгріи, Башый повелѣлъ всѣмъ Рускимъ Князьямъ явиться въ Орду. Князь Михаилъ Всеволодовичъ, 1240 года бѣжавшій изъ Кіева въ Венгрію, 1246 года возвратился въ разоренное Олечество

и принявъ Княжество Черниговское. Вѣда
 общее бѣдѣшіе Рускихъ, опасаясь, чѣмъ
 Батый не мстилъ имъ за то, что онъ каз-
 нилъ въ Кіевѣ буйствєнныхъ его пословъ, и
 желая смертію своею утолить мщеніе Вла-
 дыки иноплемєннаго, Михаилъ рѣшился идти
 въ Орду. Черниговскій Князь имѣлъ въ злопа-
 лучной своей судьбѣ то, чѣмъ рѣдкіе и въ
 щасливой долѣ наслаждаются: онъ имѣлъ
 друга. Сей другъ былъ Бояринъ *Теодоръ*. Уз-
 навъ о намѣреніи Михаила, Теодоръ ~~сказалъ~~
 «Съ тобою дѣлилъ я щастіе, съ тобою раз-
 дѣлю напасти: съ тобою умереть готовъ!»
 Между тѣмъ нѣкоторые изъ молодѣнныхъ
 Князей, раболѣпствуя Батыю, посылали
 Вѣру отцевъ своихъ. Сильно возмущенъ Ми-
 хаилъ сею вѣстію. Въ горести душевной
 призвавъ внука своего *Бориса Васильковича* и
 Боярина *Теодора*, вѣщалъ имъ: «Князья Ру-
 скіе забываютъ Бога и Вѣру; примѣромъ сво-
 имъ они развращаютъ землю Рускую. воору-
 жимся Вѣрой; постраждемъ, но не поко-
 римся волѣ нечестивца.» Укрѣпясь Вѣрою,
 Михаилъ пошелъ въ Орду въ сопутствіи
 внука и неизмѣннаго друга.

Князья, изъяслявшіе покорность Батыю,
 проходили между двухъ огней и учиняли при

поклону; жрѣцы, взявъ у нихъ что нибудь изъ приносимыхъ подарковъ, повергали въ огонь. Позади, огней, къ Полудню, возвышился кусть въ память Чингисъ-Хана, погребеннаго на Полдень. Передъ ставкою сполна кумиръ; ограда около шатра обвѣшивалась коврами съ различными изображеніями. Тщешно принуждали Михаила прѣйти сквозь огонь, тщешно угрожали ему смертію и улавляли лѣстною: съ твердымъ и непоколебимымъ духомъ, возража Бытыеву спольнику Ельдегъ, Михаилъ, снявъ съ себя мечъ и повергнувъ на землю, воскликнулъ: *примите славу міра сего; не ищу владычества, желаю умереть за Вѣру.* Великодушный Князь увѣнчался симъ подвигомъ. И Θεодоръ, неразлучный въ жизни съ Михаиломъ, неразлученъ былъ въ спраданіи и смерти. Отвергнувъ угрозы и обольщенія, онъ палъ подъ остріемъ того же меча, который поразилъ его друга.

Не долго ликовалъ Батый. На другой годъ по убіеніи Михаила снова двинулся онъ въ предѣлы Венгріи, и, вмѣсто всемірнаго обладанія, погибъ на сраженіи тогда, когда все, казалось, ему благопріятствовало.

1245 Года умеръ Князь Ярославъ Всеволодовичъ. Послѣ втораго нашествія Татаръ, благоразумными разпоряженіями и непоколебимостію духа поддержалъ онъ падающую Россію. Въ Ордѣ великолушно ходатайствовалъ за подданныхъ и неустрашимо представлялъ пягости и изнеможенія, претерпѣваемыя Рускими отъ Татаръ. Негодуя на Ярослава и не отваживаясь явно его погубить, Ордынцы заставили злодѣя, называемаго въ лѣтописцахъ *Груновичемъ*, очернить клеветною всѣ поступки Рускаго Князя. Ярославъ истинною и правотою опровергалъ доносы и клеветы. Наконецъ, по свидѣтельству *Картина*, Хинская мать, приглася Ярослава на пиршество, изъ собственныхъ рукъ рѣшилась оправить Князя, ненавистнаго Татарамъ за ревность и любовь его къ Отечеству. Ярославъ сиѣвши уже въ Россію; но не достигнувъ предѣловъ родной страны, скончался въ осьмой день по выѣздѣ изъ Орды. Тѣло его препровождено было во Владимиръ. Всѣ его сыны и всѣ подданные, которые также были его сынами, встрѣтили гробъ съ рыданіемъ, и прахъ его орошали слезами. Ярославъ умеръ на 57 году. Если Ярославъ дѣйствительно отравленъ, то ядъ

ускорилъ только то, до чего бы довело и одно излечение душевное. Скорбь о бѣдствіяхъ поработеннаго Отечества омрачаетъ душу и безвременно погашаетъ жизнь.

Андрей Ярославичъ вступилъ на престолъ Владимирскій. 1252 Года снова появились въ Бѣлорускихъ областяхъ Таттары, негодую, что Князь Андрей не хотѣлъ идти въ Орду. «Долго ли,» воскликнулъ Андрей: «долго ли намъ распрями своими губить Отечество? Не хочу быть рабомъ Татаръ: удалюсь съ семействомъ моимъ изъ родной страны: не спало Отечества.» Князь Андрей сразился съ Татарами, и бѣжалъ въ *Колывань* или *Ревель*.

Повѣствуютъ, что около 1252 года, когда Александръ учинился Княземъ Владимирскимъ, приходили къ нему послы отъ Папы *Инокентія Четвертаго*. Именемъ владыки своего они обнадеживали Князя Владимирскаго помощію противъ Татаръ, если пристанетъ къ Западной церкви. Сбывая посламъ правила праотческой Вѣры, Александръ прибавилъ: «вопъ чему держимся. Не сила оружія, насъ защититъ непоколебимость Вѣры. Ею живемъ и съ нею умремъ.»

1253 Года Князь Александръ Невскій возвратился изъ Орды, гдѣ владычествовалъ Сартакъ, сынъ Батыя.

1258 Годъ, къ несчастію Россіи, достопамятенъ поголовною переписью, учиненою подъ надзоромъ Баскаковъ или Таттарскихъ численниковъ. Для поспѣшнѣйшаго сбора податей, раздѣля живелей Россіи на десятки, сотни и тысячи, Татары опредѣлили десятниковъ, сотниковъ и тысячниковъ. Сіи разряды подчинили темникамъ, которые вѣроятно завѣдывали по десяти тысячѣ и болѣе. Въ той странѣ, гдѣ жертвуюшъ общаю пользою личнымъ выгодамъ, тамъ собственность Опечества переходитъ въ хищныя руки иноплеменниковъ. Такому жребію подвергли Россію распри удѣльныхъ Князей. Желая обольститъ духовныхъ, Татары не включили ихъ въ перепись. Тщетны были ихъ замыслы; Рускіе пастыри церкви во всѣхъ случаяхъ ревностно содѣйствовали въ низверженію власти иноплеменной. Нѣкоторые города сперва возстали противъ переписи; наконецъ покорились. Новгородъ упорствовалъ. Александръ спѣшилъ въ Новгородъ, собираетъ гражданъ и говоритъ: «Въ чемъ вы упорствуете? Жизньъ брагій вашихъ гибъ»

нѣтъ, а вы жалѣете золота и серебра! Опошлите сіи приманки разврата къ Татпарамъ; пусть они обезсилятъ ихъ мужество. Новгородъ уже заражается роскошью иноплеменной: коварные наушники удѣльныхъ Князей, алча богатствъ, возмутили Отечество междоусобіемъ и подвергли его власти Татаръ. Смиримся на время; не долго будетъ торжествовать власъ иноплеменная, естъли укрѣпимся Богомъ, Вѣрой и единодушіемъ. Мечи булатные, единодушіе и Вѣра—вошъ богатство наше. Отецъ мой Ярославъ, Михаилъ Князь Черниговскій подали намъ примѣръ, какъ должно терпѣть и умирать за Вѣру и за славу Отечества. Все исчезнетъ; не умрутъ одни дѣла. Оставимъ потомкамъ нашимъ примѣръ великихъ дѣлъ.»

Татарскіе численники и сборщики, не довольствуясь возложенною данью, нещадно грабили и притѣсняли Рускихъ. Къ усугубленію бѣдствій того времени, и нѣкоторые Рускіе, отрекшись отъ Бога и Вѣры, пристали къ иноплеменнымъ грабителямъ. Нечестивый Зосима былъ главою изверговъ, взявшихъ у Татаръ на откупъ подати, возложенныя на ихъ единоземцевъ. Расдраженные симъ неслыханнымъ и безчловѣч-

нымъ торгомъ, жилили многихъ городовъ
взволновали и предали смерти Ташарскихъ
численниковъ, а вмѣстѣ съ ними и Рускихъ
корыстолюбцевъ, которые для позорнаго
прибытка посылали на имущество и на жизнь
братій своихъ.

Ханъ Беркай, услыша о убіеніи наглыхъ
сборщиковъ и откупщиковъ, приказываетъ
Рускимъ Князьямъ препроводить дружины
ихъ въ Орду для соединенія съ Ташарскими
полчищами. Любовь къ Отечеству проница-
тельна. Александръ предвидѣлъ, что Ханъ
для обезсиленія Руской земли отзываетъ
Княжескія дружины; онъ зналъ также, что
отъ смѣшенія Рускихъ съ иноплеменниками
произойдетъ смѣшеніе вѣровъ, нравовъ, сло-
вомъ: потрясеніе всего того, что сосре-
дочиваетъ коренное основаніе обществъ и Дер-
жавъ. Немедленно отправляетъ онъ сына сво-
его Дмитрія и зятя своего Константина,
Полоцкаго Князя Товтилу противъ Лифлянд-
скихъ рыцарей жетя, а самъ поспѣшаетъ въ
Орду съ извиненіемъ, что не могъ отпустить
войска. Еслибъ Ханъ проникъ истинную
причину похода Рускихъ къ Юрьеву или къ
Дерпту, Князь бы Александръ погибъ. Герой
Невскій помышлялъ не о жизни, но о томъ,

чтобы спасти душу Руской земли, Вѣру и нравы.

В корѣ Александрѣ снова принужденъ былъ идти въ Орду, гдѣ отъ коварныхъ проволокъ провелъ цѣлый годъ. Скорбь по Огнечествѣ повергла Рускаго Князя въ тяжкую болѣзнь. Въ сіе время отпустили его. Вспрѣчая героя, изнуреннаго болѣванію и шокскою, Рускіе проливали слезы. Въ послѣднія мгновенія жизни своей Александрѣ увѣрился, что онъ будетъ жить въ сердцахъ соотечественниковъ. Въ крайнемъ изнеможеніи, остановясь въ Городцѣ на Волгѣ, Князь Невскій поспригся. Смерть постигла его 1263 года Ноября 14 дня. Слава вписала имя его къ числу великихъ полководцевъ; за Вѣру и добродѣтели причисленъ онъ къ лику Святыхъ. Услыша о смерти Невскаго Героя Митрополитъ Кириллъ воскликнулъ: «Зашло и скрылось солнце земли Руской!»

Съ кончиною Князя Александра дѣйствительно померкли послѣдніе лучи солнца, озарящаго нѣкогда славу Россіянъ. Во тмѣ сей осѣлалась руководительницей одна Вѣра, которая посреди всѣхъ волненій и бѣдствій сохранила Россію отъ рабства и уничтоженія. Братъ Александра Невскаго, Ярославъ Яро-

славить, принялъ по немъ Владимирскій престолъ. Семилѣтнее его правленіе прошло въ превратностяхъ. Онъ умеръ, возвращаясь изъ Орды.

Повѣствуютъ, что Князь Ярославъ Ярославичъ, забавляясь охотою во время пребыванія своего въ Тверской области, добжалъ до села Едимѣнова, лежащаго въ низѣ по Волгѣ въ сорока верстахъ отъ Твери. Не извѣстно, пылкость ли охотническая, или любопытство завлекли его такъ далеко отъ города. Въ сіе село опустилъ онъ любимца своего Григорія, который готовился идти къ брачнымъ олпарямъ съ Ксеной, дочерью церковнаго служителя. Можетъ быть неосторожный Григорій похвалою прелестей невесты своей возбудилъ въ юномъ Князѣ желаніе ее видѣть. Уже нѣжные любовники идутъ въ храмъ Божій: вдругъ раздаются въ селѣ звуки охотничьихъ роговъ. Ксенія и Григорій останавливаются; Князь подбѣгаетъ къ нимъ. Ярославъ было только двенадцать лѣтъ: онъ увидѣлъ Ксению, предложилъ ей руку, и повелъ къ брачнымъ олпарямъ. Григорій въ тайнѣ льетъ слезы, и не произноситъ ни одной жалобы, ни одной укоризны. Молчаніе оскорбленнаго друга силь-

міра, хотѣло займаться однимъ Богомъ. Въ старину служители Княжескіе назывались *отроками*: названіе сіе перешло къ обителѣмъ, гдѣ поселяся Григорій.

Между тѣмъ Ксенія и въ Княжескихъ перемахъ проливала слезы; Ярославъ дѣлилъ ея скорбь. Щастливая супруга долго не была матерью. Небеса, внемля сердечныя моливы спраждущихъ, благопворяемыхъ Ксеніей и Ярославомъ, обрадовали ихъ сыномъ. По смерти супруга своего Ксенія жила однимъ материнскимъ чувствіемъ. Подъ ея руководствомъ возросъ *Михайлъ Ярославичъ*, который по любви къ спраждущему челоѣчеству называлъ себя *должниковъ убогихъ*.

1273 Года Князь *Василій Ярославичъ*, забывъ, что братъ его *Александръ Невскій*, подвергая жизнь свою, не далъ Рускимъ дружинамъ соединиться съ Татарами; Василій вмѣстѣ съ утѣснителями Россіи ополчился на Новгородъ.

И сыны *Александра Невскаго* пренебрегли его добродѣтели. Съ 1276 до 1296 года представляюща одні родспвенныя распри или уничижительныя искашельства у Царей Ордынскихъ. Младшій только сынъ Князя Невскаго, *Данила Александровичъ*, воспиты-

ваясь въ Москвѣ, уве елялѣ сердца разцвѣ-
тающими добродѣтелими.

Около 1295 года блеснули лучи опрадной
надежды, что угнетенная и раздробленная
Россія соединится нѣкогда въ однѣ нераз-
дѣльный составѣ. Князь *Данила Александро-
вичъ*, изъ всѣхъ Рускихъ владѣльцовъ, первый
назвавшись *Княземъ Московскимъ*, неусыпно
старался о пригеденіи въ лучшее состоя-
ніе удѣла своего. По мѣстному своему по-
ложенію Москва долженствовала быть *серд-
цемъ Россіи*. Данила Александровичъ при-
совокупилъ къ Москвѣ Переяславъ *Залѣскій*,
отказанный ему по духовной племянника его
Князя *Ивана Дмитріевича*, который скончал-
ся въ юныхъ лѣтахъ бездѣтенъ. Къ сози-
данію и распроспраненію Москвы споспѣше-
ствовало миролюбіе Князя Данила. Любовь
къ миру и порядку устраиваетъ области и
Царства. Москва подлиннымъ своимъ суще-
ствованіемъ обязана Князю *Данилѣ Алексан-
дровичу*, сыну Великаго Александра *Невскаго*.
Хотя онъ былъ младшій изъ всѣхъ братьевъ,
но первенствовалъ по праву добродѣтели.
Наблюдая осторожность, онъ имѣлъ всегда
готовое войско; сражался съ Татарами подъ
Переяславдемъ Рязанскимъ и увѣнчался побѣ-

дой. Князь *Даніилъ* оживотворилъ добродѣтели отца своего,

1299 Года скончался знаменитый Псковскій Князь *Домантъ*. Сей Князь, находясь еще въ *Литвѣ*, гдѣ родился, взялъ въ супружество одну изъ дочерей Князя *Димитрія Александровича*, сына *Александра Невскаго*. Рѣшась принять *Вѣру* супруги своей, поселился онъ во *Псковѣ* и при крещеніи наименованъ *Тимофеемъ*. Добродѣтели Россіянки привлекли къ Россіи сердце чужеземнаго Князя; она внушила ему приверженность къ *Вѣрѣ* своей; къ Отечеству и природному своему языку. Торжество, достойное Россіянки и внуки *Невскаго* Героя! Въ лѣтописцахъ сохранены нѣкоторыя *Домантовы* Рѣчи, свидѣтельствующія, что онъ изгладилъ силу, краткость и величіе Русскаго слова. Возбуждая однажды къ бою дружину свою, онъ сказалъ: «Воины *Псковскіе*! старшіе изъ васъ отцы, младшіе братья; единодушные соотечественники составляютъ одно семейство. Молва о мужествѣ вашемъ гремитъ и въ странахъ дальнихъ. Намъ предстоятъ теперь жизнь и смерть; братья и друзья! ополчимся за *Вѣру* и Отечество!» Такъ говорилъ Князь *Домантъ* дружинѣ малочислен-

ной, но отважно вступившей съ нимъ во владѣнія Липовскаго Князя *Гердена*. Съ двумястами воиновъ встрѣшилъ онъ и разбилъ осьмишный опрядъ сопровивника своего. Вмѣстѣ съ шесшемъ своимъ Княземъ *Дмитріемъ* одержалъ новую побѣду подъ *Роковоромъ*, въ чистомъ полѣ, гдѣ Рускіе могли дѣйствовать открытою грудью и явнымъ мужествомъ. *Домантъ* малочисленность войска замѣнялъ искусствомъ, и жизнь свою озарилъ дѣлами славы и мужества.

Кіевъ, бывшій некогда первопрестольнымъ градомъ, онъ разоренъ. Татаръ нишился прежней славы. Избѣгая утѣшенія иноплеменниковъ, Митрополитъ *Максимъ* перешелъ во Владимиръ на *Клязьму*. Многие Кіевляне бѣжали изъ роднаго своего края, гдѣ свирѣпство чужой власти все истребило, кромѣ горестнаго напоминанія о первобытномъ величіи Кіевской области.

1301 Года Бѣлорускіе Князья сбѣзжались въ *Дмитровъ* и сильно спорили о раздѣленіи удѣловъ, которыхъ были ненадежными владѣльцами по волѣ Ордынцовъ. Не было у нихъ уже свободнаго Отечества, но зависть еще кипѣла въ сердцахъ. Въ сіе время и въ природѣ происходили такія же вол-

ненія, какія возмущали души удѣльныхъ Князей: отъ порывистой бури ломались дѣла и разрушались жилища.

1303 Года скончался первый *Московскій* Князь Данила Александровичъ, названный *собиратель Руской земли*.

Распри и междоусобія не прекращались. Рускіе Князья сами усиливали власть Татаръ, принимая ихъ въ посредничество и прибѣгая къ ихъ помощи. 1310 Года Князь *Василій*, совокупясь съ Татарами, поразилъ дядю своего Святослава *Брянскаго* и овладѣлъ его удѣломъ.

1315 Года отъ междоусобія воспослѣдовало въ Новгородѣ кровопролитіе. Рускіе гибли отъ Рускихъ, забывъ, что общій ихъ союзъ нуженъ былъ къ низверженію ига иноплеменнаго.

Къ довершенію безславія своего, Рускіе Князья начали вступать въ родственныя связи съ Татарами. Князь *Юрій Даниловичъ* женился на сестрѣ Хана *Узбека*. Кичась родствомъ съ Татарами, Юрій возмнилъ, что ему можно разорять Опе~~ч~~ество. Въ сопровожденіи Ордынцевъ выступилъ онъ противъ Тверскаго Князя *Михаила Ярославича*, и какъ будто бы готовясь не на брань, но на

пирѣ, взявъ съ собою жену и претерженцовъ своихъ. При появленіи въ области Тверской Юрія и Татарѣ запѣлали деревни и села; вездѣ раздавался стонъ и плачь оскорбленной невинности. Родственникъ Татарѣ не пощадилъ и храмовъ Господнихъ! Михаилъ призываетъ Епископа Варсонофія и дружину свою. «Вами свидѣтельствуюсь,» говоритъ онъ: «же ли я кровопролитія. Я убѣгалъ вражды и распрей; а враги наши алчущіе крови и убійства. Горятъ жилища наши; поруганы храмы Божіи. Судите меня съ врагами моими.» Всѣ воскликнули: «Ты правъ, Князь! мы готовы умереть за Вѣру и Опечестіе!»

Прибѣгнувъ къ Богу правды и милосердія, Михаилъ вооружился и по обыкновенію своему возложилъ на грудь золотой крестъ. Буйные его враги пренебрегли всѣ осторожности. 1313 Года Декабря 22 Юрій и Татары побѣждены были на Волгѣ при мѣстечкѣ Бартеневѣ. Жена Юрія и множество Татарѣ взяты были въ плѣнъ. Пораженная ужасомъ битвы, несчастная плѣнница поверглась въ болѣзнь. Михаилъ побѣдоносное оружіе украсилъ подвигами* челоуѣколюбія: съ плѣнными врагами обошелся какъ съ братьями; супруга Князя Юрія въ семействѣ Князя

Михайла нашла друзей и попечителей. Вбра, спутница человеколюбия, проникла въ ея сердце; она восхотѣла быть Христіянскою. Михайлъ былъ ея воспреемникомъ, Озарясь лучами Вбры, вскорѣ сошла она во гробъ, поглощающій все, кромѣ надежды на безсмертіе и добродѣтели. Послѣ различныхъ произшествій Михайлъ рѣшился идти въ Орду, чинобы смертію своею спасти отъ разоренія Отечество. Прощаясь съ малолѣтними дѣтьми, онъ сказалъ имъ: «Богъ не оставляетъ сиротъ! И я остался сиротою; Богъ возростилъ меня попеченіями матери моей.» По доносу Юрія, Михайлъ былъ преданъ безчеловѣчному суду; онъ умеръ подъ бременемъ изпязаній. Церковь сопричислила его къ лику Святыхъ; Вбра, терпѣніе и добродѣтель ведущъ къ небесамъ.

Донощикъ не избѣгъ наказанія, Князь Димитрій, сынъ Михайла, мстя за смерть его и забывъ, что умирающій отецъ требовалъ не мести, но покорности къ Провидѣнію, убилъ Юрія въ Ордѣ и самъ былъ казненъ. Отъ пагубнымъ послѣдствій злобы и зависти Рускія области опустошались и порабощались власти чужеземной. Липовскій Князь Гедиминъ похищилъ Червенскіе города,

Волинскую область и Кіевъ. Кромѣ Червени, завоеванной у Поляковъ 981 года Владиміромъ *Первымъ*, всѣ другія страны были спаринною собственностію предковъ нашихъ Славянъ. Гедимиръ не завоевалъ ни *Волини*, ни *Кіева*; онъ опнялъ ихъ у Рускихъ, обезсиленныхъ междоусобіями Татарами.

1325 Года Митрополитъ *Петръ*, увѣковѣченный за добродѣтели свои на небесахъ и на землѣ, по согласію Князя *Ивана Даниловича*, перенесъ Митрополию въ Москву; а 1328 года и самъ Великій Князь, переселясь изъ *Владимира*, утвердилъ въ ней престолъ свой. Хотя и Князь *Иванъ Даниловичъ* причащенъ былъ зависти и властолюбію, но твердоспійю духа своего не допустилъ буйныхъ Новгородцевъ опадать *Липовцамъ Ладоги*, *Орѣшка*, *Корелы* и *Колорья*. Симъ уступленіемъ Новгородцы сами пролагали врагамъ свободные пути въ ихъ области. Мнимое вольное или народное правленіе рѣдко руководствуется осторожностію; борьба страстей истребляетъ благоразуміе.

Къ твердости душевной Князь *Иванъ Даниловичъ* присовокуплялъ человеколюбіе и милосердіе. Каждый день обходя новую столицу свою и обозрѣвая сооружаемые храмы

и жилища обывательскія, онѣ носилѣ съ деньгами сумку или *калиту*; щедрою рукою изъ сей сумки раздѣлялѣ вспомошествованія. По нѣжному состраданію, онѣ не хотѣлѣ имѣть посредниковѣ между собою и неимущими: онѣ самѣ опыскивалѣ ихѣ и утѣшалѣ. Бѣдные и спраждущіе, вѣ память личныхѣ его благодарній и вѣ память неистощимой сумки или *калиты*, благодарительнаго Князя променовали *Калитою*. Вѣ сердцѣ и вѣ десницѣ добраго Государа заключающаеся щастіе и отрада подданныхѣ.

1339 Года убитѣ вѣ Ордѣ съ сыномѣ своимѣ *Теодоромѣ* Князь Александрѣ Михайловичѣ *Тверской*. Бѣдствія сего Князя начались съ того времени, когда казнилѣ онѣ Ханскаго племянника *Щелкана*, прибывшаго вѣ Тверь съ наглыми прѣбѣваніями. Отѣ мщенія Царя Ордынскаго убѣжалѣ онѣ съ семействомѣ своимѣ во Псковѣ. Великодушные Псковитяне, сжалясь надѣ спраданіями Князя *Тверскаго*, поклялись, что они никому его не выдадутѣ и готовы жертвовать за него собою. Нѣсколько лѣтъ находилѣ онѣ прибѣжище во Псковѣ. Наконецѣ, услыша, что Ханѣ насильственно прѣбуетѣ его вѣ Орду; гдѣ возвели на него новыя клеветы,

и разсуждая о бѣдѣшійхъ, которыя постиглибъ землю Рускую за ослушность его, Князь Тверской рѣшился пострадать: «Еслили пойду въ Орду,» сказалъ онъ своимъ приближеннымъ: «то буду тамъ преданъ смерти; еслили же не пойду, то войска Татарскія разорятъ Рускія области: я виной буду гибели моихъ соопечественниковъ. Лучше мнѣ одному пострадать за всѣхъ; Богъ велитъ полагать душу за братьей своихъ.»

Отъ 1342 до 1348 года происходили сильныя распри Новгородцевъ съ Литовцами. Едва области Рускія начали успокоиваться, появилась во Псковѣ моровая язва, по свирѣпости своей названная *черною смертію*. Полагаютъ, что сія язва занесена была въ Россію изъ *Индіи*. Вскорѣ бѣдствіе сіе распространилось по цѣлой Россіи. Ни величіе, ни блестящій санъ не отвращаютъ смерти; она не щадитъ ни чертоговъ, ни жилищъ! Жертвою моровой язвы было все семейство Князя *Семена Ивановича*. За нѣсколько лѣтъ до мороваго повѣтрія, по причинѣ *Новгородскихъ* мятежей, былъ общій съѣздъ *Бѣлорусскихъ* владѣльцевъ. Князь Семенъ въ сильной Рѣчи представлялъ имъ пагубныя послѣдствія внутреннихъ неустройствъ, порабо-

тившихъ Россію Тапшарамъ. Князь Московскій, стараясь водворять единовластіе, укрощалъ своеволие удѣльныхъ Князей и непоколебимымъ постоянствомъ довелъ ихъ до того, что они не осмѣливались ни говорить, ни творить неправды. Но въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ совершенства. Укрощая распри и своеволие, Семенъ Ивановичъ не украшался привѣпливостію, привлекающею сердца; за важный видъ и за строгія рѣчи люди Московскіе называли его *Гордымъ*.

Къ утѣшенію Московскаго народа, любящаго ласку и милосердіе, 1354 года вступилъ на престола Князь Иванъ Ивановичъ, меньшей братъ Симеона и сынъ благодѣтельнаго *Калиты*. И при лучшихъ Государяхъ бывають общественныя бѣдствія. 1355 Года, въ ночь пятого Феврала, убитъ былъ Московскій Тысяцкій *Алексѣй Петровичъ*. Ни причина сего злодѣянія, ни убійцы никому не были извѣстны; тѣло его нашли на улицѣ. Сей *Тысяцкій* неусыпно рачилъ о благосостояніи Московскихъ жителей и любимъ былъ ими; народъ по смерти его взволновался. Многіе изъ знатныхъ Бояръ отбѣжали въ Рязань. Благость и милосердіе Князя Іоанна успокоили народъ. Онъ не слушалъ наушни-

жовѣ, которые по случаю временныхъ бѣдъ ствѣй и подѣ предлогомъ усердія, опчуждають сердце Государа отъ подданныхъ. При семъ Князь жилъ Мипрополитъ *Алексѣй*, прославившійся въ Ордѣ изцѣленіемъ ослѣпшей Ханши *Гакдулы*. Благочестивый Пастырь, споспѣшествуя желанію крошकाго Московскаго Владѣльца, ходатайствомъ своимъ у Хана облегчилъ подати, обременявшія Россію. 1358 Года возспали въ Ордѣ мятежи, предвѣспившіе ея паденіе. Опцеубійца *Бардибекъ* по прупамъ умерщвленныхъ брашій возшелъ на прѣстолъ. Соучастникомъ его злодѣянія былъ *Тавлубей*, славившійся умомъ и коварствомъ. Злодѣйство и коварство не долго торжествовали: *Бардибекъ* и *Тавлубей* погибли отъ рукъ новыхъ убійцъ.

Іоаннъ Красный владѣлъ шесть лѣтъ какъ отецъ и другъ народа. Пѣнясь Княжескимъ возрѣніемъ, оживленнымъ благодушіемъ, жипели Московскіе назвали его *Краснымъ*, или *Пригожимъ*. Милосердіе все украшаетъ и влечетъ къ себѣ сердца.

По смерти Князя *Івана Ивановича* всѣ удѣльные Князья ходили въ Орду покупать Московскій прѣстолъ дарами и уничижительнымъ исканіемъ. Хопя Ханъ клялся *Іоанну*,

что онъ не обойдетъ малолѣтняго его сына *Димитрія*, просл. вившагося годъ именемъ *Донскаго*; но клятву свою промѣнялъ на дары, полученные отъ Князя *Дмитрія Константиновича Суздальскаго*, которому и назначилъ Великое княженіе.

Кто искренно любилъ ближнихъ, того любилъ и тогда, когда уже нечего отъ него ожидать. Помня любовь и дружбу Князя *Ивана Ивановича*, Князя *Тверскіе* и *Ростовскіе* вступились за сына его *Димитрія*. Они пошли въ Орду съ дарами; чтобы оказать справедливость малолѣтнему Князю, который еще не въ силахъ былъ ни защищать, ни отыскивать правъ своихъ. Извѣстясь о присылкѣ *Димитрію* ерлика или *Ханской* грамоты, Князь *Суздальскій* отбѣжалъ изъ *Владимира* въ *Переяславъ*. Князь *Андрей Константиновичъ*, желая обуздать властолюбіе брата своего, сказалъ ему: «Милый братъ! не говорилъ ли я тебѣ, что не лзя вѣрить иноплеменникамъ и не должно искасть и присвоить чуждго? Ты не повѣрилъ мнѣ; ты не повѣрилъ стародавней истины, убѣждающей, что кто ищетъ гужаго, томъ о своемъ будетъ плакать. Примири въ сѣ Княземъ *Димитріемъ*, не губи соотечественни-

ковѣ. Богѣ вступитсѣ за обиженнаго сироту! Власполюбецѣ, отвергнувѣ братнія увѣщанія, снова домогалсѣ получить Великое княженіе; но не успѣлъ.

Вѣ лѣтописцахѣ нашихѣ весьма часто встрѣчаются извѣстія о пожарахѣ и о моровой язвѣ. Сіе послѣднее бѣдствіе почти всегда начиналось или вѣ Новгородѣ, или во Псковѣ, вѣ двухѣ главныхѣ торговыхѣ и многолюднѣйшихѣ славянскихѣ городахѣ. 1351 Года распространилось моровое повѣтріе изѣ Пскова, а 1364 года изѣ Новгорода. Богѣ и Вѣра предписываютѣ благоразумную осторожность. Чѣмѣ городъ обширнѣе и многолюднѣе, тѣмѣ болѣе должно наблюдать вѣ нихѣ устройство и чистоту; чѣмѣ болѣе города вѣ сношеніи съ чужеземцами, тѣмѣ болѣе пребудетсѣ мѣрѣ осторожности. Многолюдство должно соотвѣтствовать простору, чистотѣ и удобному разположенію жилищѣ. Оми непрестанныхѣ распрей и междоусобій ни Новгородѣ, ни Псковѣ, ни другіе Рускіе города не наблюдали порядка, чистоты и не принимали предвзятельныхѣ мѣрѣ осторожности, отъ чего и происходили столь многіе пожары и моровыя повѣтрія. Внѣшняя чистота должна необходимо сопровождаться

чистою нравовъ; отъ разврата душъ и умовъ возникаетъ другая язва, язва нравственная, умерщвляющая Вѣру и добродѣшель.

1365 Года солнце явилось въ кровавомъ видѣ съ черными пятнами; густая мгла носилась по землѣ до половины лѣта; отъ непомѣрнаго зноя горѣли лѣса и дымились болота; рѣки пересыхали; въ иныхъ мѣстахъ не оставалось капли воды къ уполенію страдающей жажды. Въ сіе время скорби и помѣненія скончался добродѣтельный Князь *Андрей Константиновичъ*. Никогда не былъ онъ причастенъ распрямъ и зависти; всегда украшался кротостию и миролюбіемъ. Прахъ его похороненъ въ Новгородѣ подлѣ гроба родительскаго.

Того же года въ Рязанской области, опустошенной Батыемъ 1237 года, Олегъ Рязанскій и братъ его Владимиръ *Пронскій*, поразили войско Ордынскаго Князя *Тагая*. Сила и мужество существовали и въ поработченной Россіи; она не возставала отъ внутреннихъ мятежей и отъ зависти удѣльныхъ владѣльцевъ.

1366 Года Новгородцы, непомогавшіе ни одному Князю въ пораженіи Татаръ, отъ

самоволія вдались вѣ разбои. Составя шайки, пустились они внизѣ по Волгѣ къ *Нижнему-Новгороду*, гдѣ ограбля и умертвля Татарскихъ и Армянскихъ купцовъ, не пощадили и соотечественниковъ. Вѣ слѣдѣ за сими разбойниками устремились изъ Новгорода буйныя дѣти дворянскія на промыслъ грабителей. Буйство есть плодъ мнимой вольсости. Князь Дмитрій Ивановичъ, раздраженный сими злодѣянїями, послалъ войско противъ грабителей и убійцъ. Многие изъ нихъ, усправля добычу, подверглись стыду и казни.

Мудрость правителей народовъ ознаменовывается не разрушенїемъ, но созиданїемъ. Князь Дмитрій Ивановичъ, сочетавшись бракомъ съ Евдокїей, дочерїю Князя Дмитрія Константиновича *Суздальскаго*, предпринялъ заложить вѣ Москвѣ каменное строенїе. Зная, сколь важна всякая общественная перемѣна, Московскій Князь совѣщавался о предпрїятїи своемъ съ другими Князьями и старшими Боярами. За такую осторожность названъ онъ Княземъ умнымъ и разсудительнымъ.

Родственные союзы, заключаемые удѣльными Князьями съ чужеземными владѣльцами, не рѣдко служили къ бѣдствїю Россїи. 1369

Года Литовскій Князь *Олгердъ Гедеминовичъ*, по убѣжденію зятя своего Князя *Михила Александровича Тверскаго*, съ сильнымъ войскомъ пошелъ къ Москвѣ. Подражая опцу своему *Гедемину*, *Олгердъ* во всѣхъ предпріятіяхъ соблюдалъ тайну; даже и самыя приближенные его не знали, куда и для чего онъ идетъ. Не предвидя *Олгердова* нашествія, Князь *Димитрій* не успѣлъ собрать войска; онъ заперся въ городъ съ родственникомъ своимъ Княземъ *Владимиромъ Андреевичемъ*. Три дня сильно и упорно отражали они осаждающихъ. Мстя за неудачный походъ, *Олгердъ* выжегъ городскія окрестности и удалился. До 1369 года *Литовцы* никогда не свирѣпствовали въ предѣлахъ *Московскихъ*. Еще горестнѣе то, что Руской Князь привелъ чужеземцевъ къ Сполциу Рускаго Князя.

Негодую на Князя *Тверскаго*, Князь *Димитрій* нарушилъ присягу, данную ему о мирѣ. Въ ту самую ночь, когда воспослѣдовало клятвопреступленіе, отъ ударовъ необычайнаго грома земля вострепетала. Небеса часто вѣщаютъ людямъ, но люди рѣдко внимающъ небеснымъ вѣщаніямъ. Воспользовавшись опѣвѣдомъ Князя *Тверскаго*,

въ Литву, Князь Димитрій устремился къ Твери и радъ, отправилъ повсюду опусиошеніе. Михаилъ Тверской поспѣшилъ изъ Литвы въ Орду съ жалобою и Князя Московскаго и съ прозьбою Велик^{го} книженія. Хотя Влади-миръ былъ столицею по одному имени, но ерлыки или грамоны Ханскія все еще да-вались на великое Княжество Владимірское. Услыша, что Михаилъ достигъ своего жела-нія, Князь Димитрій по всѣмъ пушамъ разо-слалъ подоперганъ и перехватить его. Князь Тверской укрылся онъ поиково и убѣжалъ въ Литву. Въ исходѣ 1371 года Олгердъ снова пришелъ къ Москвѣ мстить за злѣя огнемъ и мечемъ. Вскорѣ заключенъ былъ миръ. Князь Димитрій отправился въ Орду, и за подарки опять получилъ Великое Княже-ство. Въ отсутствіе его Олегъ Рязанскій захватилъ нѣкоторые города; но скорѣ былъ побѣжденъ и убѣжалъ съ малою дружи-ной. Торжество Ташаръ не въ томъ сосис-яло, что они поработили Россію, но въ томъ, что Рускіе Князья поработены были зависти и раздорамъ.

Раздорами и междоусобіями Князей озна-меновался и 1374 годъ. Въ то же самое время Новгородскіе разбойники грабили по

Волгѣ, не щадя ни чужихъ, ни единокровцевъ. Разбои ихъ простирались до *Астрахани*, гдѣ вмѣстѣ съ жизнію оставили и добычу, для которой забыли Бога и совѣсть.

Кіевъ, оппоруженный отъ Рускихъ городовъ *Лишовскимъ Княземъ Гедиминомъ* около 1320 года, къ усугубленію бѣдствія своего, страдалъ отъ моровой язвы 1377 года. По смерти *Олгерда*, сына *Гедиминова*, въ Кіевѣ происходили междоусобія Князей *Лишовскихъ*.

1378 Года *Митяй*, духовный Отецъ Князя *Димитрія*, изъ *Поповъ* постриженъ былъ въ *Архимандришу*. По смерти *Митрополита Алексѣя* принявъ *Митрополию*, *Митяй* потребовалъ всѣ доходы, принадлежавшіе сану *Митрополитскому*. Сии доходы собирались съ церковей и прочихъ мѣстъ въ *Петровки* и *Рождественскій* поспѣ, почему и назывались *Петровскими* и *Рождественскими* доходами. Сообразуясь съ нуждами общественными, *Митрополиты* брали иногда доходы несполна; *Митяй*, по обычаю того времени не получившій благословенія отъ *Цареградскаго Патріарха*, потребовалъ весь сборъ. Временное начальство, всегда взыскашеть на начальства постоянного. Первое спрашивается упущенный случай, другое;

соображая настоящее съ будущимъ, употребляетъ умѣренность и человеколюбіе.

Когда Митяй рѣшился ѣхать въ Царьградъ, Князь Димитрій далъ ему бѣлыя или написанныя грамоты за своею печатью, «Пришедъ въ Царьградъ,» сказалъ Димитрій Митяю: «и имѣя нужду, пиши на сихъ грамотахъ, сколько тебѣ нужно, тысячу серебра и болѣе: я за тебя отвѣтчикъ.» По смерти Митяя, скончавшагося во время путешествія, Рускіе послы, съ нимъ бывшіе, употребили во зло сіи бѣлыя грамоты. Лучше писать опредѣлительно, нежели предоставлять произвольное. Осторожность утверждаетъ довѣренность.

1380 Года Мамай злодѣйствомъ похитилъ владычество къ Ордѣ. Многіе Князья и Ханскій сынъ погибли отъ Цереубійцы. Въ буйственной гордынѣ восхотѣлъ онъ быть вторымъ Батыемъ. Льстецы увѣряли, что онъ, подобно сему бичу Россіянъ, опустошитъ вселенную! Мамай созываетъ Волжскія Орды, совокупляетъ несмѣнное ополченіе, вступаетъ въ землю Рускую и останавливается у устья рѣки Воронежа. Молодушный Олегъ Рязанскій отправляетъ къ нему подданическое прошеніе, и въ соучастники

измѣны своей приглашаетъ Литовскаго Князя Ягайлу, сына Олгердова. Ягайло отправилъ къ Мамаю такое же уничижительное письмо, какъ и Олегъ. Властолюбцы любятъ измѣну. Мамай, принявъ объ прозъбы благосклонно, подавалъ имъ по нѣскольку Рускихъ областей, еще непокоренныхъ.

Услыша о предпріятіи Мамая, Князь Московскій сперва прибѣгнулъ къ Богу, а потомъ къ помощи человѣческой. Немедленно отправилъ онъ гонца въ Городецъ въ двоюродному брату своему Владиміру Андреевичу. Сей усердный родственникъ, отбѣзжая въ Москву, велѣлъ поспѣшать и войску своему. Должно упомянуть къ чести Тверскаго Князя Михаила Александровича, что онъ въ общей опасности забылъ личные обиды, и соединилъ дружины свои съ ополченіемъ Князя Московскаго. Родственники его Литовскіе Князья Олгердовичи также обѣщали помогать.

Между тѣмъ Мамыевы послы прибыли въ Москву, требуя покорности, изъявляемой прежнимъ Ханамъ. Хищники престола хотѣли, чтобы все у ногъ ихъ пресмыкалось. Димитрій совѣтуется съ Митрополитомъ Килріяномъ. Благочестивый Пастырь вѣщаетъ: «Князь! Богъ испытываетъ чадъ

своихъ. Нечестіе питаешся корыстолюбіемъ; увѣнчайся трудн йшею побѣдою: преодолѣй гордость; отпущай къ Мамаю дары. Истоощи злопо, но не кровъ подданныхъ. Цари нечестивые ушолются дарами.»

По совѣту Кипріяна Князь Дмитрій съправилъ въ Орду Захарія Тютчева съ многочисленными дарами и съ двумя переводчиками, разумѣвшими Таттарскій языкъ. На рубежѣ Рязанской области узнавъ, что Олегъ соумышленникъ Маман, Тютчевъ увѣдомилъ Князя Московскаго. Пораженный симъ извѣстіемъ, Дмитрій снова прибѣгнулъ къ Кипріану. «Князь!» спросилъ сей праводѣшный Папшрь: «не обидѣлъ ли ты Олега Рязанскаго?» Я ни въ чемъ предъ нимъ невиновенъ, отвѣчалъ Дмитрій: я не преступилъ ни одной черты изъ законовъ отцевъ нашихъ. Довольствуясь своимъ удѣломъ, не желаю чужаго.—«Богъ будетъ тебѣ заступникомъ!» воскликнулъ Кипріанъ: «Богъ побораетъ по правдѣ: совокупляй войско, крѣпись и мужайся!»

Одушевляясь Вѣрою и милосердіемъ, Дмитрій отправилъ щедрыя подаянія въ общины и церкви, подъ надзираніемъ копто-рыхъ, по обычаю того времени, успокоива-

лось страждущее челоѡчество. Молитва
спрадальцевъ доходитъ къ Богу любви и ми-
лосердія. Кромѣ Олега Рязанскаго, всѣ Князья
Удѣльные и всѣ жители Россіи совокупились
единодушіемъ. При чтеніи грамонъ, призы-
вавшихъ къ оружію, они восклицали: «Ум-
ремъ за Вѣру и за землю Рускую! съ нами
Богъ!»

Соблюдая правила военной оспорож-
ности, Димитрій отправилъ стражу, со-
ставленную изъ опытныхъ воиновъ, что-
бы захватить въ плѣнъ нѣсколькихъ Та-
таръ. Первая стража замедлила; Димитрій
отправилъ другую, которая повстрѣчалась
съ первою.

Освѣдомясь обстоятельно о Мамаѣ,
Димитрій поспѣшилъ въ Троицкую обитель
для принятія благословенія отъ Преподоб-
наго Сергія и для испрошенія у него двухъ ино-
ковъ Пересвѣта и Осляба, которые нѣкогда
въ санѣ Боярскомъ славились полководствомъ.
Сергій, вмѣсто шлема, оградя главы иноковъ
крестомъ и вручая ихъ Князю, сказалъ:
«Князь! вошъ мои оруженосцы; они готовы
дѣлать съ тобою напасти и смерть. Ты
хотѣлъ отъратить брань дарами; Мамай
жаждетъ крови: пагуба и запустеніе пости-

гнутъ его; съ тобою Богъ и слава.» И обратясь къ *Ослябѣ* и *Пересвѣтѣ*, прибавилъ: «спрадайте великодушно! Время жатвы наступило; пожните вънцы неплѣнные.»

Благословясь у Преподобнаго *Сергія*, *Димитрій* отправился въ Москву въ сопровожденіи двухъ *Троицкихъ* воиновъ. Посѣтя храмы Божіи, простясь съ гробами родимельскими, онъ предсталъ полкамъ, окропляемымъ святой водою. Двинулись ряды воиновъ, осѣнявшихся крестнымъ знаменіемъ; загремѣли клики: *съ нами Богъ!* Ендскія, супруга Князя *Димитрія*, взирая изъ перемовъ на удаляющееся войско, со слезами молила Бога, чтобы малолѣтніе сыны ея не осиротѣли. Молитва материнская доходитъ къ небесамъ.

Многочисленные полки пошли по шремъ дорогамъ. Князь *Владимиръ Андреевичъ Брашевкою*, Князя *Бѣлозерскіе Болвановкою*, Князь *Димитрій* отправился черезъ *Котлы*. Солнце сіяло въ лице воинамъ, тихой вѣтръ въ слѣдъ имъ вѣялъ; подъ ратными доспѣхами сердца ихъ живились радостнымъ предчувствіемъ. Князю Московскому сопутствовали десять иноземныхъ гостей, или купцовъ. Они желали видѣть и возвѣстить въ странахъ дальнихъ, какъ Рускіе умираютъ за Вѣру и

Отечество. Въ Коломнѣ войско устроилось боевымъ порядкомъ. Полкъ мужественныхъ Князей Бѣлозерскихъ составлялъ середину подъ начальствомъ Князя Димитрія. Князья Ярославскіе подъ начальствомъ Князя Владимира Андреевича составляли правую руку. Глѣбъ Брянскій предводительствовалъ лѣвымъ крыломъ. Передовую дружину принялъ Воевода Димитрій. Стрележскій полкъ, или за сада, порученъ былъ Коломенскому Воеводѣ.

Высшупая изъ Коломны, Князь Димитрій, щадя невинныхъ подданныхъ вѣроломнаго Олега, строго запретилъ, чтобы Рязанцамъ не причиняли никакой обиды и не прикасались къ ихъ собственности. Олегъ воспретепалъ, услыша о многочисленной силѣ Димитрія. Онъ могъ бы еще загладить измѣну свою; но по праву молодыхъ поклонниковъ случайнаго щастія, рѣшился дождаться, кому б дѣтъ удача. Липовскій Князь Нсайла Олгердовичъ, негодую на Олега за ложныя увѣренія, что Князь Московскій не сбережѣтъ дослѣдочнаго войска, остановился у Одоева. Вѣроломство Олега Рязанскаго и злоумышленіе Князя Липовскаго обратились въ пользу Димитрія. Ожидая измѣнниковъ, Мамай далъ время Димитрію со-

братъ войско и ополчиться. Въ недалекомъ разстояніи отъ Дона присоединились къ Дмитрію Липовскіе Князя Андрей Олгердовичъ и братъ его Дмитрій. Сии Князя, принявъ Вѣру, исповѣдуемую Рускими, соединились съ ними и душами.

Между тѣмъ отрядъ, отправленный изъ передовой стражи для обозрѣнія сѣана Татарскаго, привозитъ захваченнаго Татарина, который увѣдомляетъ, что Мамай осстановился, ожидая Олега Рязанскаго и Липовскаго Князя Ягайлу. Дмитрій собираетъ совѣтъ. Одни говорятъ: «Русское войско будетъ здѣсь слабо, но за Дономъ всѣ единодушно умрутъ, или побѣдятъ. Не страшна многочисленная сила Татаръ. Ихъ семь сотъ, насъ чотыреста тысячъ; но съ нами Богъ!» Липовскіе Князя Олгердовичи согласны были съ симъ мнѣніемъ. Напротивъ того другіе совѣтовали подвинуться, не пропускавъ Татаръ въ область Рязанскую, укрѣпиться и ожидать, что предприметъ Олегъ, чтобы не оставить его въ пылу. Выслушавъ различные мнѣнія, Князь Дмитрій отвѣчалъ: «Братья и друзья! я не пришелъ сюда ни смотрѣть за Олегомъ, ни стеречь рѣки Дона. Или избавлю землю Рускую отъ разоре-

нія, или голову мою за всѣхъ положу. Славная смерть лучше жизни безчестной. Двинемся впередъ; за Донъ перейдемъ; умремъ, или защитимъ Вѣру и Отечество.»

Сеншября седьмого Рускіе переправились черезъ Донъ и разрушили за собою всѣ мосты. Осьмого числа *Меликъ*, находившійся въ переводѣ опрадъ, извѣстилъ Князя, что Таттары девятого числа придутъ на рѣку. *Непряда*. Предупреждая Татаръ, Димитрій-ополчился осьмого числа. Единодушно положили Димитрію находиться въ срединѣ и помогать, гдѣ будетъ нужно. На правсмѣ крѣпѣ сѣдали Олгердовичи съ Сѣверскими и Новгородскими полками; Псковичи на лѣвомъ, Бѣлозерскіе, Ярославскіе Князья и Князь Тверской впереди; Князь Владимиръ Андреевичъ и Князь Димитрій Нижегородскій позади. Къ сохраненію свѣжихъ войскъ, Князь Димитрій назначилъ сильную засаду, или запасное войско, съ копорымъ Владимиръ Андреевичъ, сдавъ начальство надъ сторожевыми полками Князю Нижегородскому, пошелъ въ верхъ по Дону въ густую дубраву. При сей засадѣ были многіе богатыри и знаменитый Воевода Димитрій Волинскій. Куликовское поле обширное и ровное, вели-

кимъ оплотомъ понижается къ устью рѣки Непрядвы. Татары спустились съ холмовъ; Рускіе заняли ровное и твердое мѣсто.

До девятого часа утра густой туманъ покрывалъ поля, гдѣ готовилось торжество смерти. Съ первыми солнечными лучами, разсѣявшими мглу, Димитрій является въ полномъ рапномъ одѣяніи, и перемѣняя усталыхъ коней, быстро мчится по обширнымъ рядамъ войскъ и восклицаетъ: «Братья и друзья! безтрепетно ополчимся за Вѣру и браній нашихъ! Мы всѣ братья; мы всѣ внуки Адамовы; мы всѣ исповѣдуемъ одного Бога, одну Вѣру. Богъ взираетъ на насъ; Онъ будетъ нашимъ заступникомъ.» Слезы блистали въ очахъ Рускихъ воиновъ; всѣ восплали новымъ рвеніемъ и подобно орламъ готовы были летѣть на сопровивниковъ. Въ сіе торжественное мгновеніе, отъ неусыпнаго сража Вѣры и Отечества, прибыли послы съ увѣщательною грамошою, чтобы Князь смѣло ополчился. «Друзья!» воскликнулъ Димитрій: «благочестивый Сергій молился за насъ; Богъ будетъ съ нами.»

Двинулись оба воинства. Татарскіе полки тянулись подобно темнымъ тучамъ; Рускіе сіяли подобно морю, озаренному солнцемъ.

ными лучами: вездѣ отсвѣчивались блестящіе ихѣ доспѣхи. Мамай съ пятыю Князьями своими удалился на холмѣ, откуда мнилѣ уже видѣть славу и побѣду. Князь Димитрій рѣшился лично начать бой; Рускіе богатыри осшанавливаютѣ его.» Князь,» говорящѣ они: «смотри на битву со стороны; будь тамѣ, гдѣ нужно. Если ты погибнешь, и мы всѣ погибнемѣ. Береги себя. Мы готовы умереть за тебя и за Отечество; а ты вспоминай насѣ и впиши имена наши въ памятные книги.» Димитрій подбѣзжаетѣ къ черному знамю, всѣ Княжескія опличія возлагаетѣ на друга своего Михаила Андреевича Бренника; сдаетѣ ему рындовѣ или почешныхѣ своихѣ шѣлохранищелей; становится на ряду съ простыми воинами, повергается на колѣни передѣ священою хоругвию, на которой сіялѣ Спасителевѣ образѣ, и восклицаетѣ: «Боже, ты видишь наше смиреніе: ты спасешь насѣ!... Братья и друзья! съ вами буду пить общую чашу; жизнь, или смерть!»

Задонское побоище началось *поединкомѣ* Изѣ необозримыхѣ полчищѣ Таттарскихѣ выѣхалѣ наѣздникѣ *Темирѣ-Мурза*. Величаясь исполинскимѣ ростомѣ и надѣясь на крѣпость мышцѣ своихѣ, гордо вызывалѣ опро-

шивника изъ рядовъ Рускихъ. Оба войска пріостановились. Въ сіе мгновеніе, когда алчная смерть ожидала двухъ первыхъ жертвъ въ пораженію жертвъ безчисленныхъ, инокъ Пересвѣтъ, славившійся нѣкогда на полѣ бившъ силою богатырской, а въ мирной обители увѣнчавшійся смиреніемъ: Пересвѣтъ выступилъ впередъ; возложилъ на себя не латы плѣнные, но схимъ; ознаменовался крестомъ, окропился Свящою водою, простился съ опцемъ духовнымъ, съ Княземъ, со всѣмъ воинствомъ. Полки православные возрыдали отъ жалости сердечной. Раздался общій крикъ: «Боже! помоги Пересвѣту!» Одушевленный Вѣрою и Богомъ, ревнуя показать примѣръъ братьямъ Рускимъ, Пересвѣтъ, взлетѣвъ на коня, ударилъ на исполина Татарскаго. Засверкали и зазвучали мечи; оба всадника отъ смертоносныхъ ударовъ пали на землю. «Братья и воины Рускіе!» воскликнулъ Димитрій, «и намъ пришло время пить смертную чашу! «Съ нами Богъ!» отвѣчали полки Рускіе, и понеслись на славу и на смерть. Загорѣлся общій бой. Скопища Татарскія двинулись всею силою; отъ множества не было мѣста, гдѣ растянулись.

Рукопашный бой есть жатва смерти

убійства: путь дѣйствуютъ, открытою грудью; въ слѣдъ копій и мечей летаетъ смерть неизбежная. Въ стѣсненныхъ, въ столпившихся рядахъ въ одно мгновеніе тысячи исчезающъ.

Татары напали на передовой полкъ; Дмитрій поспѣшилъ туда. Ліется кровь, поле прупами устилается. Сначала бились съ равною удачею; въ часъ по полудни соснупились всѣми силами. Опѣмножества войскъ, спѣснившихся между рѣками Дономъ и Мечею, спирался воздухъ и ошанавливалось дыханіе. Вся сила Татарская налегла на середину и порывалась разорвать. Рускіе не уступали ни шагу.

Князь Андрей Олгердовичъ на правой сторонѣ удерживалъ, разилъ; но не отваживался преслѣдовать, опасаясь, чтобы Татары не обошли. Въ сіе время тяжело было Рускимъ: въ лице имъ дулъ вѣтръ; въ глаза сверкало солнце. Подобно дремучимъ лѣсамъ, клонились къ землѣ полки Рускіе. Татары начали одолѣвать. Подъ Княземъ Дмитріемъ убили двухъ коней; утомленный, избитый копьями и мечами, Дмитрій колеблющимися стопами удалился въ дубраву и повергся подъ вѣтвя вновь срубленнаго дерева.

Съ отсутствіемъ его побѣда перешла на сторону Татаръ. Князья и Воеводы падали отъ мечей ихъ; большое знамя поникло къ землѣ; другъ и любимецъ его Бренникъ въ одеждѣ Княжеской положилъ жизнь за Князя своего. Второй и третій часъ были для Рускихъ часами пагубы и смерти. Князь Владимиръ Андреевичъ, видя изъ засады поражение Рускихъ, возопилъ къ Воеводѣ Дмитрію Волынскому: «Чего мы здѣсь ждемъ? Кому помогать намъ тогда, когда не будетъ братьевъ нашихъ? Поспѣшимъ, умремъ вмѣстѣ съ ними!» Дмитрій Волыскій отвѣчалъ: «Велика бѣда, но не пришло еще наше время.» Рускіе воины порывались изъ засады на помощь братьевъ, какъ на сладкое пиршество. Убѣжденный Дмитріемъ Волынскимъ, Владимиръ Андреевичъ, укрощая ихъ рвеніе, говорилъ: «подождемъ немного! будетъ и наше время!» Между тѣмъ осторожный Воевода, припадая къ землѣ, прислушивался, уменьшается ли топотъ коней Татарскихъ. Топотъ начиналъ ослабѣвать; трупамъ Татаръ устилалась земля какъ листьями, сбиваемыми съ деревъ осеннею бурей. Вѣтеръ отъ лица Рускихъ повернулъ въ лицо Татаръ; склонившееся солнце къ западу устремило въ очи

Татарѣ яркіе лучи. «Братія и друзья!» воскликнулѣ Дмитрій Волынецѣ: «приспѣло время наше; дерзайте вѣ слѣдѣ за Владимиремѣ Андреевичемѣ.» Понеслись вихремѣ богатыри Рускіе; сильно ударили на изнемогавшихѣ Татарѣ. Изумленные внезапныхѣ появленіемѣ свѣжихѣ силѣ, враги возопили: *горе намѣ! Русь умудрилась!*

Тщешно удерживалѣ Мамай бѣгущихѣ угрозами и обольщеніями; всѣ бѣжали вѣ разстройствѣ и безпамятствѣ, шѣся и поражая другѣ друга. Заходящее солнце увлекло сѣ собою всѣ надежды горделивца; сѣ опечаленіемѣ и позоромѣ обратился вѣ бѣгствомнимый повелитель вселенной!

Сѣ наступившею ночью глубокая тишина водворилась на обширныхѣ поляхѣ, обогранныхѣ рѣками крови; раздавались одни стоны и вопли раненыхѣ и умирающихѣ. Князь Андрей Владимировичѣ приказалѣ трубить трубамѣ для собранія воиновѣ. Со слезами и рыданіемѣ вопрошалѣ у каждаго: гдѣ Князь Дмитрій? Одни отвѣчали: «Князь Дмитрій тяжело раненѣ; другіе: мы видѣли, какѣ онѣ сражался палицею; шрепѣе вѣдцали: при насѣ бился Князь сѣ чешырьмя врагами.» Наконецѣ Степанѣ Новосильскій сказалѣ:

«Я видѣлъ, какъ Князь пѣшій шелъ съ бою; хотѣлъ ему помочь, но не могъ: за мною гнались шрое Ташаръ.» Сія отвѣтъ свидѣтельствуя, что Князь Димитрій дѣйствовалъ вездѣ и все оживлялъ своимъ примѣромъ. «Братья и друзья!» воскликнулъ Князь Андрей Владимировичъ: «Бояре и воины! спускайтесь, ищите Князя; Богъ и Отечество васъ награждать.»

Забывъ усталость, всѣ пожелѣли искать Князя и Героя. Долго происходили тщетные поиски; наконецъ при первыхъ лучахъ утренняго солнца, озарившаго дубраву, два простыхъ воина, Морозовъ и Хлоповъ, увидѣли Димитрія, лежавшаго въ безпамятствѣ подъ вѣтвями срубленнаго дерева. Отъ жалости сердечной воины возрыдали, изъ благоговѣнія соскочили съ коней и поверглись къ ногамъ Героя. Одинъ изъ нихъ немедленно полетѣлъ къ Князю Владимиру Андреевичу; Князь въ сопровожденіи дружины своей поспѣшилъ въ дубраву. Сойдя съ коня и преклоня предъ Димитріемъ колѣно, Князь Владиміръ вѣщалъ: «Милый братъ! радуйся! ты древній Ярославъ, ты новый Александръ. Здравствуй, Князь Димитрій Ивановичъ; съ нами Богъ и побѣда!» Слабымъ и прерывающимся голосомъ

Князь Димитрій промолвилъ: «Кто меня зоветъ?» — Братъ твой и другъ! воскликнулъ восхищенный Владимиръ. Приподнявъ Князя Димитрія, увидѣли, что всѣ его доспѣхи изъязвлены и избиты.

Успокоясь стѣ рашнаго подвига и утѣша воиновъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровопролитной битвы, Князь Димитрій поѣхалъ на обширное поле убійства и славы. Никогда взорамъ человѣческимъ не представлялось вдругъ столько соединенныхъ и различныхъ смертей! Рѣки крови Руской слились съ кровію Татаръ. . . Возрыдалъ Герой и ручьи слезъ потекли изъ очей его. На каждомъ шагу встрѣчалъ онъ великихъ воиновъ и вѣрныхъ защитниковъ земли Руской. Здѣсь лежалъ Михаилъ Бренникъ, какъ другъ, умершій за Князя; какъ Руской, за Отечество. Здѣсь являлись восемь Бѣлозерскихъ Князей, ополчавшихся другъ за друга и вмѣстѣ пострадавшихъ за землю Рускую. Здѣсь близъ МикудыТысяцкаго умерли Героями пятнадцать Князей; всѣ они были тамъ, гдѣ была опасность и смерть: всѣ они лежали лицомъ къ врагамъ. Тамъ палъ Воевода Меликъ, который всегда находился въ сторожевомъ полку, всегда охранялъ дружину свою прозор-

ливостію, благоразуміємъ и всегда предупредалъ замыслы противниковъ. Здѣсь въ числѣ знаменитыхъ Воеводъ палъ Димитрій Мининъ, ожившій попомъ въ дѣянiяхъ Космы Минина. Тамъ въ иноческомъ одѣянiи лежалъ Поресвѣтъ, первый изъ всѣхъ увѣнчавшійся смертію и славой.

Оставшіеся Рускіе полки нѣсколько дней занимались приготовленіемъ могилъ; желали отдѣлится Рускихъ отъ Татаръ, но не могли: столь тѣсно смерть соединяла тѣхъ, которые при жизни раздѣлялись ненавистію и враждою. Началось погребеніе; раздалось пѣніе надгробное. Князь и все воинство воскликнули *вѣчную память*; воздухъ огласился плачемъ и рыданіемъ. «Милые братья!» возопилъ Димитрій: «милые братья и сыны земли Руской, умершіе за Вѣру! молишесь за насъ Богу. Сыны Отечества, падшіе между Дономъ и Мечею! Богъ назначилъ вамъ сіе мѣсто. Братья и друзья! мы прощаемся съ вами; воззрите на насъ отъ высоты небесной!»

Задонская битва есть торжество Вѣры и любви къ Отечеству. Не алча ни завоеваній, ни молвы, сыны Россіи ополчились за Вѣру, за Отечество, за свободу, за жизнь

земли Руской. Къ отвращенію кровопролитія, Рускій Князь предлагалъ *Мамаю* сокровища и миръ; ослѣпленный властолюбецъ, обогрившійся кровію Царей своихъ, Мамай алкалъ убійства, мечталъ поработать Россію и вселенную; привелъ семь сотъ тысячъ, бѣжалъ съ горстію Татаръ. Гордыня и властолюбіе пали и погибли.

Но вы не пали, сыны Россіи, поразишіе несмѣшные сонмы завоевателей, — вы не пали. . . . вѣки прощекли, а вы живете въ сердцахъ! Надъ священнымъ прахомъ вашимъ, между Дономъ и Мечею, можетъ быть когда нибудь воздвигнется памятникъ съ надписью: *здѣсь умерли триста тысячъ Рускихъ за Вѣру, за Отечество, за свободу, за жизнь земли Руской!*

ОТЪ ЗАДОНСКАГО ПОБОИЩА, ДО НИЗВЕРЖЕНІЯ ИГА ИНОПЛЕМЕННАГО,

ТО ЕСТЬ ОТЪ 1381 ДО 1462 ГОДА.

Великъ Герой, торжествующій на полѣ битвъ; еще болѣе пошъ, кшо умѣешь быть благодарнымъ въ сіяніи славы и щастія! *Дмитрій*, помня участіе *Сергія* въ ополченіи его противъ *Мамая*, возвращаясь въ Москву

и наслаждался первыми мгновеньями свиданія съ семействомъ, поспѣшилъ въ Троицкую обитель. «Благочестивый мужъ!» сказалъ онъ Сергію: «твоими совѣтами, твоими молитвами побѣждены враги. Твой послушникъ Пересвѣтъ первый испилъ чашу смерти; онъ поразилъ богатыря Таларскаго, онъ погибъ съ нимъ вмѣстѣ и смертію своею предвѣстилъ торжество Россіянъ. Молись за братій нашихъ, пострадавшихъ за Вѣру и Отечество! Съ поля битвы кровопроливной души ихъ воспарилъ въ небеса; но память о нихъ неразлучна будетъ съ ними до послѣдняго нашего дыханія!»

Въ объятіяхъ семейства и среди подданныхъ, любившихъ Димитрія, какъ отца, успокоился онъ отъ трудовъ и напастей; но не надолго: на пути сей жизни скорбь отъ радости на одинъ шагъ.

Мамай, съ Задонскаго побоища бѣжавшій съ остатками полчищъ своихъ, встрѣтилъ новаго сопрошивника. Ордынскій Ханъ Тахтымамъ въ слѣдъ за нимъ устремился. Ласкатели, льстящіе щастливымъ владыкамъ, бѣгутъ отъ злополучныхъ. Князья и Вельможи Мамаевы передались новому щастливцу. Тахтымамъ и Мамай сошлись и сразились на

берегахъ рѣки *Калки*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Рускіе въ первый разъ разсѣяны были Тапарами. Мамай, снова побѣжденный, спасая жизнь и сокровища свои, побѣжалъ въ Крымскую область къ городу *Кафѣ*. Жители *Кафскіе*, прельстясь сокровищами бѣглеца, убили его. Злодѣяніе не избѣжало казни. Властолюбивый Мамай обагрилъ руки въ крови Царей своихъ; Кафинцы опіяли у него и жизнь и сокровища.

Послѣ Калкской побѣды, овладѣвъ Ордою, семействомъ и имуществомъ Мамай, Тахтамышъ извѣстилъ Рускихъ Князей о воцареніи своемъ въ Ордѣ. Задонское побоище показало, что Рускіе умѣютъ побѣждать полки многочисленныя; но оно не распоргло щѣпей, въ которыя поверглась Россія отъ внутреннихъ междоусобій. Послы Тахтымаша приняты были съ честью; Рускіе Князья поспѣшили въ Орду и побѣдоносными руками предлагали дары въ знакъ покорности и подданства. Димитрій также отправилъ подарки ко Двору новаго Царя Ордынскаго. Вразумленные бѣдственными опытами, Удѣльные Князья соединились пріязнью 1381 года; желали свободиться отъ ига Татаръ, но не могли: войско обезси-

дѣло, мужественные предводители пали на полѣ Задонскомѣ, города и селенія опустѣли. Быстро разрушается Царство; медленно и съ усиленіемъ возстановляется.

Къ Князю Димитрію, не бывшему въ Ордѣ, Тыхшамашъ отправилъ Князя Ахкозю съ семьєю спами Татаръ. Дошедъ до Нижняго-Новгорода, Ахкозю не осмѣлился продолжати пути и отрядилъ въ Москву нѣсколько Татаръ, которое также вскорѣ воротились въ Орду.

Новыя необычайныя знаменія въ небесахъ предвѣщали новыя бѣдствія землѣ Руской. Передъ утреннею зарею блисталъ огненный столпъ и показывалась звѣзда, подобная копью: гремѣли преждевременные громы; отъ порывистыхъ вихрей колебались и шумѣли лѣса дремучіе.

Въ третій годъ владычества своего надъ Ордою, Тыхшамашъ приказалъ въ городѣ Волгарѣ, проименовавшемся потомъ Казанью, грабити Рускихъ купцовъ. Въ то же время, собравъ войско, переправился чрезъ Волгу и успремился къ Москвѣ. Къ остановленію Царя Ордынскаго, Князь Димитрій Констан-
тинъ-новичъ Нижегородскій отправилъ двухъ сыновъ своихъ Василія и Семена. Неупо-

мимо шли усердные Князья, еще быстрее
 лешѣмъ Тахтымашѣ къ пагубѣ Москвы и Рос-
 сіи. Рускіе Князья настигли его у рубежей
 земли Рязанской. Олегъ, другъ Ордынцевъ
 и рабъ вѣроломства, предался Тахтымашу.
 Нижегородскія дружины принужденны были
 возвратиться.

Князь Димитрій приговорился встрѣ-
 тись Тахтымашу, но остановленъ былъ
 раздорами и несогласіями Князей и Воеводъ.
 Единодушіе побѣдило Мамаю; несогласіе Рус-
 кихъ доставило поржешво Тахтымашу.
 «Не хочу,» сказалъ Князь Димитрій: «не хо-
 чу губить остатковъ Рускаго войска. Пе-
 редъ Задонскою битвою, кромѣ Олега Рязан-
 скаго, всѣ Рускіе Князья ополчились одною
 душою, однимъ сердцемъ. Междоусобія снова
 вспыхнули; гнѣвъ небесный не миновался;
 зависть и раздоры уже побѣдили насъ.» Раз-
 пустя войско, Князь Димитрій пошелъ въ
 Переяславъ, а опшуда удалился въ Кост-
 рому.

Не встрѣчая нигдѣ преграды, Тахтымашъ
 переправился черезъ Оку, взялъ Серпуховъ и
 двинулся къ Москвѣ. Съ отсутствіемъ Князя
 своеволие и мятежи возмутили его Столицу.
 Грешны были увѣщанія Боярѣ и Митропо-

лиша; подчиненные стали повелителями; вооруженная чернь буйствовала, грабила и никого не выпускала изъ города. Митрополитъ Кипріяиъ и семейство Димитрія съ трудомъ вышли изъ Москвы. На помощь Московскихъ обывателей пришелъ Литовскій Князь *Остей*, внукъ Олгердовъ. Всѣ предмѣстія преданы были огню. Въ половинѣ Августа появился *Тахтымащъ* и требовалъ Князя Димитрія; ему отвѣчали со стѣнъ, что Князя нѣтъ въ городѣ. Наглость, обуянная пьнствомъ и самонадѣяніемъ, разрушала всѣ благоразумныя распоряженія Князя Остея. На четвертый день Таттары выманили Литовскаго Вождя лестію и обманомъ, убили его, ворвались въ городъ и все предали огню и мечу.

Изъ всѣхъ Рускихъ Князей мужественно и великодушно ополчился двоюродный братъ Димитрія, шопъ самый Князь *Владимиръ Андреевичъ*, который на Задонскомъ побоищѣ предводительствовалъ *завадою* и довершилъ побѣду. Узнавъ, что сей Князь стоитъ въ *Волоколамскѣ*, и что Димитрій вооружается въ *Костромѣ*, Тахтымащъ оставилъ Москву, перешелъ Оку въ Коломнѣ и за преданность къ нему Князя Рязанскаго разорилъ области

его. Такъ награждались во всѣ времена измѣна и предательство !

По удаленіи Татаръ Князь Димитрій и Князь Владимиръ Андреевичъ возвратились въ Москву. Какое жалостное зрѣлище поразило ихъ взоры! Померкло сіяніе Руской Столицы; дымъ курился повсемѣстно; груды мертвыхъ тѣлъ лежали по улицамъ; деревянные церкви обратились въ пепелъ; каменные выгорѣли внутри и очернились снаружи; не слышно было ни звона колокольнаго, ни пѣнія священнаго; ни одинъ даже страдалецъ не скипался по пеплу пожарному; всѣ пали отъ меча иноплемениковъ. Оплакивая гибель Москвы, Димитрій приказалъ предать землѣ тѣла убитыхъ. Началось погребеніе; безмолвіе опустошенной Москвы прерывалось стономъ и пѣніемъ надгробнымъ. По совершеніи плачевнаго обряда, Димитрій послалъ войска противъ Олега Рязанскаго; малодушные Князья снова поспѣшили въ Орду домогаться великаго княженія и милостей Царя Ордынскаго. Стараясь скрывать происки свои, они тайно убѣждали. Враги Отечества забывающъ, что коварство ихъ изобличится предъ потомствомъ; они радуются общему бѣдствію, надѣясь умножить личныя свои выгоды.

Наушники, неушомимые въ развратѣ, возбѣдили въ Князѣ Димитріѣ негодованіе противъ Митрополита Кипріана. Князь удалилъ его изъ Москвы; но злодѣи благочестиваго Пастыря не могли опиять у него добродѣтели и непорочнаго имени. Съ надеждою на Бога и на невинность свою, Кипріанъ отправился въ Кіевъ, гдѣ встрѣченъ былъ сердцами гражданъ, уважавшихъ его добродѣтели.

Принужденный пятагься съ Князьями о великомъ княженіи, Димитрій отправилъ въ Орду сына своего *Василія*. Тахтымашъ взаимно препроводилъ къ Князю Московскому пословъ, копорые приняты были съ честію и щедро одарены. Подъ бременемъ власти иноплеменной изнемогающъ и самыя превосходныя души.

Въ сіе время скончался въ Нижнемъ Новѣгородѣ старецъ *Павелъ*, знаменимый не славою мірскою, не почестями, не властію, но кротостію и добродѣтелію. Духовные и міряне любили и уважали его. Въ напастяхъ порабощеннаго Отечества онъ утѣшалъ страдальцевъ, и указывая имъ небеса, утверждалъ ихъ переносить на землѣ скорби и злополучіе. Онъ прекращалъ ссоры, ходатай-

сповалъ за неимущихъ, возбуждалъ въ сынахъ изобиліа соболъзнованіе къ спраждущему человѣчеству. Къ добродѣтелямъ, украшавшимъ его сердце, присовокуплялъ онъ знанія, за которыя прослылъ философомъ, или любителемъ мудрости и добродѣтели. Память его не исчезнетъ въ сердцахъ, оживляемыхъ человѣколюбіемъ, а прахъ его покоится въ Нижегородской *Петерской обители*.

Хотя Татимашъ и отправилъ пословъ къ Князю Димитрію, хотя говорилъ Князь-ямъ, домогавшимся великаго княженія, что Князь Московскій по праву владѣетъ областію своею: но къ устрaшенію его удержалъ въ Ордѣ его сына. Обнадеженный симъ залогомъ, потребовалъ онъ съ области Московской пятгоспную дань по погдашнимъ обстоятельствомъ. Съ каждой деревни взыскали по серебряной полтинѣ; подасть Татарамъ платили также и золотомъ.

Олегъ *Рязанскій*, неутомимый въ измѣнѣхъ и мяшежахъ, напалъ внезапно на Коломну, предалъ смерти Намѣстника, Бояръ, и похища золотъ и серебро, удалился въ область свою. Руская земля и въ подданствѣ у Татаръ изобиловала богатствомъ, получаемымъ отъ торговли; въ ней недоставало

тогда главнаго сокровища: согласія и еди-
нодушія.

Князь Владимиръ Андреевичъ, вѣрный
родственникъ Димитрія, выступилъ про-
тивъ Олега. Щастіе не всегда благопріят-
ствуетъ правотѣ. Походъ сей былъ неуда-
ченъ. На полѣ сраженія пало много Перея-
славскихъ и Новгородскихъ Бояръ, нахо-
дившихся въ ополченіи Князя Димитрія; въ
томъ числѣ убитъ и мужественный Князь
Михайлъ Андреевичъ Полотскій, внукъ Ол-
герда Литовскаго. Въ войскѣ Олега также
были Литовцы. Князья Литовскіе, возму-
щаясь междоусобіями, приставали къ Рускимъ
Князьямъ, и участвуя въ ихъ распряхъ, не-
рачили о домашнемъ благоустройствѣ. Хотя
поземельное сосѣдство должноствовало, бы
сближать и души; но страсти, невнемлюція
ни опыту, ни взаимнымъ выгодамъ, раздѣ-
ляютъ народы, сближенные природой. Вотъ
отъ чего дальные народы такъ легко ссо-
ряшъ, сосѣдей, и обезсиливая ихъ, торже-
ствуютъ.

Щадя кровь подданныхъ, избѣгая междо-
усобія, Димитрій отправился въ Троицкую
обитель и умолялъ Сергія примирить его съ
Олегомъ. Благочестивый Пастырь, оцка-

давшійся отъ мяшежей мірскихъ, но живя для Бога и добродѣтели, съ удовольствіемъ согласился быть миротворцемъ. Сергій поспѣшилъ въ Рязань; какъ вѣстникъ мира и тишины вступилъ во Дворецъ Княжескій; съ кротостию напомнилъ Олегу, что Князь долженъ охранять, а не губить людей; что для Творца вселенной всего пріятнѣе любовь и милосердіе. Въ то же время сильно изобразилъ пагубныя послѣдствія браней междоусобныхъ, за которыя потребуется опечетъ тамъ, гдѣ всѣ земнородные предстанутъ безъ всѣхъ опличій, безъ власти, но съ дѣлами своими. Добродѣтель восторжествовала. Олегъ, побѣжденный не силою оружія, но кроткими увѣщаніями опшельца отъ міра, прослезился и сказалъ Сергію: «Повинуюсь; буду жить съ Княземъ Димитріемъ въ мирѣ и любви.» «И Богъ будетъ съ тобою!» отвѣчалъ благочесливый Пастырь.

Въ разлукъ съ Отечествомъ, спрадая три года въ Ордѣ подъ спражею, Князь Василій, сынъ Димитрія, рѣшился бѣжать. Несчастный Князь былъ пойманъ и подверженъ еще жесточайшей неволѣ. Около сего времени свирѣпый Тахтымашъ собственною рукою поразилъ жену свою. Врагъ челове-

ства не щадишѣ ни слабости, ни невинности; но заставляя всѣхъ претепать, гордый властолюбецѣ и самѣ претепѣ во мнимомѣ своемѣ всемогуществѣ. Между тѣмѣ гонимая невинность, всего лишенная, кромѣ любви и дружбы, находитѣ безопасность и тамѣ, гдѣ готовяшѣ ей вѣчныя оковы, или смерть.

Въ странахѣ дальнихѣ, въ изгнаніи и въ напастяхѣ, сынѣ Димитрія имѣлѣ то, чѣмѣ рѣдко обладаютѣ Цари въ блескѣ славы и могущества: онѣ имѣлѣ друга. Сей другѣ былѣ Бояринѣ *Данила Федоровичѣ*, племянникѣ Митрополиша Алексѣя и наслѣдникѣ его добродѣтелей. Пользуясь смятеніемѣ Ордынскаго Двора по убіеніи Царицы, вѣрный Бояринѣ и другіе сопутники Князя Василія, подкупя стражу Татарскую, снова вознамѣрились бѣжать. Уклоняясь отѣ преслѣдованія, они побѣжали не въ Россію, но въ область Подольскую, а опшуда въ землю Воложскую къ Воеводѣ *Петру*. Спрадальцы не вездѣ находяшѣ покровѣ и соболѣзнованіе. Малодушный Воевода опасался укрывать бѣглеца изѣ Орды; Князь и сопутники его принуждены были пусшиться въ новое странствованіе по чужимѣ землямѣ. Въ предѣлахѣ нынѣшней Пруссіи, въ городѣ, называемомѣ въ старину

Королевскою горою, а теперъ Кенигсбергомъ, находился Липовскій Князь Витовтъ, удалившійся шуда по убіеніи отца его Кестутія. Онъ узналъ Князя Василія и удержалъ его. Злополучный жребій Витовта дѣлила дочь его Софья, украшенная всѣми прелестями юности и нѣжностью, происходящею отъ скорби и унынія. Сердца спрдаальцевъ скоро сближаются. Сынъ Димитрія и Софья ощутили взаимную склонность. Въ то же время хитрый Витовтъ, надѣясь супружесствомъ дочери своей пріобрѣсть сильнаго союзника, требовалъ, чтобы Князь Василій вступилъ въ бракъ съ его дочерью, или не опуститъ его въ Отечество. По сердцу, юный Князь не прошивился; по долгу сыновнему и страшась нарушить отечественные обычаи, не могъ рѣшиться. Витовтъ ту же повпорялъ угрозу. Бояринъ Данило, Фѣдоровичъ и другіе вѣрные Рускіе Бояре сказали Витовту; «Мы опвѣчаемъ нашими головами, нашею жизнію за Князя нашего; онъ сдержитъ свое слово. Опуститъ его къ отцу; мы оспзаемся за него поруками.» Витовтъ согласился; Князь Василій поспѣшилъ къ отцу, съ которымъ при годѣ былъ въ разлукѣ.

1387 Года, кѣ безславію имени своего, Князь Святославъ Ивановичъ Смоленскій, въ сопровожденіи сыновъ своихъ Глѣба и Юрія, съ сильнымъ войскомъ пошелъ кѣ Мстиславию и опнялъ сей городъ у Липовцевъ. Побѣда сія помрачилась безчеловѣчіемъ. Богъ, Вѣра и челоуѣчество велятъ щадить враговъ безоружныхъ; горе тому, кто въ жертву злобы своей приноситъ мирныхъ и невинныхъ жителей! Богъ вступаетъ за невинность. Смоленскій Князь вскорѣ былъ наказанъ. Послѣ сильнаго бою на берегахъ рѣки Вехрен, онъ палъ на мѣстѣ сраженія; сыны его взяты въ плѣнъ. Липовцы устремились кѣ Смоленску и подвергли его власпи своей.

Клевешники и наушники, разсорившіе Князя Димитрія съ Митрополитомъ Кипріяномъ за то, что сей Пастырь любилъ общую пользу и укорялъ себялюбцевъ: сіи враги добродѣтели разсорили его и съ двоюроднымъ его братомъ Владимиромъ Андреевичемъ. За Князя сего вступались его дѣла; но клеветники заімили въ памяти Димитрія заслуги: онъ разорвалъ союзъ съ родственикомъ и другомъ. Царедворцы Князя Московскаго, завидуя, что онъ милостивъ кѣ Боярамъ родственика своего, очерняли ихъ клеветою.

и вѣроянно выдумали, будто бы они съ Княземъ Владимиромъ домогаются верховной власти. Исканіе первенства было причиной и предлогомъ всѣхъ междоусобій Князей удѣльныхъ. Бояра Князя Владимира Андреевича были развезены по городамъ и заключены въ темницы. Естли родственникъ и другъ забылъ усердіе родственника и друга, то сколь должно быть осторожнымъ отъ уловленій клеветы и коварства! Къ щастію ослѣпленіе Князя Димитрія вскорѣ миновалось; великодушіе побѣдило клевету; довѣренность воспоржествовала. Были клеветники, были наушники, нашлись и добродѣтельные люди, возобновившіе къ достопамятному Христіанскому празднику миръ и любовь: день *Благовѣщенія Богородицы* ознаменовался торжествомъ правоты и любви родственной. Слава Вѣнценосцамъ, которые умѣютъ разсказывать и внемлютъ усерднымъ и вѣрнымъ сынамъ Отечества!

Вскорѣ по прибытіи Князя Василія въ Москву, Димитрій заболѣлъ. Понесенные имъ труды для пользы и славы Отечества прежде времени привели его ко гробу. Великая душа не спрашивается сего славнаго бремени; за скорошечную жизнь награда ей — без-

смертіє и благословеніє потомковъ. Чувствуя изнеможеніє силъ, Димитрій призывалъ къ смертному одру супругу, сыновъ и Бояръ своихъ. «Уже гробъ отверзтъ предо мною,» вѣщалъ онъ: «я отхожу къ Богу отъ суетнаго міра. Супруга моя Евдокія! утверждай чадъ своихъ на пѣти Вѣры, благочестія и добродѣтели; учи ихъ уважать Пастырей церкви и миловать страдальцевъ. Внушай имъ миръ, любовь и согласіе; ни власть, ни сила, ни сокровища, ни что не сохранитъ ихъ, естли разрушился между ими союзъ родства и дружбы. Бѣдствія земли Руской, порабощеніє Отечества, все произошло отъ раздора братьевъ съ братьями, отъ вражды родственниковъ съ родственниками, отъ ненависти соотечественниковъ къ соотечественниками. Семейство и опечество крѣпки и непоколебимы любовью и согласіемъ.»

Отъ плачущей супруги обращаясь къ сынамъ своимъ, Димитрій продолжалъ: «А вы, сыны мои! помните то, что завѣщаваю матери вашей! Будьте братьями, будьте друзьями; уклоняйте слухъ и сердце отъ клеветниковъ и наушниковъ. При малѣйшемъ сомнѣніи, при всякой непріязненной молвѣ открывайте другъ другу сердца и души; со-

вѣстуйтесѣ съ матерью, а не съ тѣми, которые лестію привлекутъ васѣ къ пропасти. Чinite и уважайте мать свою. Клятва отцовская разрушаетъ домъ сыновній; воздыханіе матери до конца бытіе искореняетъ! Богъ внемлетъ воздыханію матери огорченной; Богъ за нее вступается. Храните и соблюдайте подданныхъ, какъ чадъ своихъ; они вѣрены вамъ Богомъ: за милосердіе къ нимъ Богъ будетъ и къ вамъ милосердъ. Богу и Матери Божіей поручаю васѣ; храните предписанія Вѣры и Закона. Благочестіемъ и Вѣрою распространится ваша Держава; иноплеменники воспрепещутъ и не дерзнутъ поднимать оружія; бремя Руской земли облегчится, области ваши процвѣтутъ и укрѣпятся. Бояръ, сотрудиновъ вашихъ въ дѣлахъ рапныхъ и общеспвенныхъ, любите чистосердечно; воздавайте каждому по достоинству и по заслугамъ; привлекайте сердца любовью и привѣтливостію: власть любовью ушверждается.»

«А вы, Бояра и сотрудики мои! вы были свидѣтелями моихъ дѣлъ, моихъ предприятий, моей службы землѣ Руской. Въ вашихъ очахъ я родился и выросъ; предъ вами управлялъ областью моею двадцать семь

лѣшѣ. Вамѣ явны были и сердце, и дѣла мои. Вашимѣ усердіемѣ, вашею Вѣрою и вѣрностью низложилѣ я враговѣ; съ вашею помощію утверждалѣ мирѣ и согласіе; съ вами соблюдалѣ наслѣдство моихѣ отцевѣ. Скажите, причинилѣ ли кому изѣ васѣ обиду; отнялѣ ли у кого что нибудь силою, оскорбилѣ ли кого; лишилѣ ли кого должныхѣ почестей и заслуженныхѣ наградѣ? Ваше щастіе было моимѣ щастіемѣ, ваши скорби были моими скорбями. У смертнаго моего одра вспомните клятву, данную мнѣ предѣ олѣпями Божіими. Вы вѣщали: *Князь! мы должны служить тебѣ и дѣтямѣ твоимѣ; мы не пощадимѣ за васѣ жизни! Соблюдайте сію клятву, кѣ сынамѣ моимѣ и кѣ матери ихѣ. Радуйтесь ихѣ щастію; будьте соучастниками вѣ ихѣ горестяхѣ; дѣлите съ ними напасши: усердіе и вѣрность вашу увѣчаешѣ Богѣ мира и любви!»*

Послѣ сего увѣщанія Димитрій разпредѣлилѣ города супругѣ и сынамѣ своимѣ. Евдокія, лобызая охладѣвшій трупѣ супруга своего, со слезами вопіяла: «Для чего я не прежде тебя сошла во гробѣ? для чего я вижу смерть твою? Съ тобою кончилось щастіе моей жизни!»

Къ утвержденію себя на опеческомъ престолѣ, Князь *Василій Дмитріевичъ*, по уничтожительному обычаю того времени, послалъ просить у Тахтымаша, у лютаго разорителя Москвы, грамопы на Московское княженіе. Народъ, теряющій свою свободу, теряетъ и все другія права.

Между тѣмъ Князь *Василій Нижегородскій* лично поспѣшилъ въ Орду. Но Тахтымаша уже тамъ не было; онъ ополчился противъ *Темиръ Аксакъ*.

Грозный завоеватель *Тамерланъ*, или *Темиръ Аксакъ*, начавъ поиски свои съ малымъ числомъ буйныхъ сообщниковъ, часъ отъ часу усиливался къ пагубѣ человѣчества и къ разоренію Царствъ. Вся Азія предъ нимъ трепетала. Властолюбіе его равнялось его звѣрству. Онъ зарывалъ тысячи несчастныхъ, не убитыхъ, но живыхъ; на прутахъ ихъ закладывалъ основаніе башенъ. Симъ неяснѣйшомъ хотѣлъ онъ показать, что вселенная и родъ человѣческій должны предъ нимъ безмолвствовать. «Земля,» говорилъ онъ: «не должна управляться двумя Владыками.» Съ полемъ смерти и убійства возвращался онъ въ чертоги, гдѣ все дышало роскошью и утѣхами. Одинъ изъ его двор-

цевъ, воздвигнутый на равнинахъ Самаркандскихъ, назывался Садо́мъ радости сердечной. Симъ очаровательнымъ именемъ не могъ онъ доставить радости сердцу своему: завоеватель чуждъ всего, кромѣ властолюбія. Снѣдаемый жаждою завоеванія, съ цвѣтущихъ полей Самаркандскихъ, изъ чертоговъ мнимой радости, Тамерланъ спѣшилъ къ разоренію Царствъ, и наводнивъ кровью Азію, устремился въ Заволжскую Орду. Тахтымашъ выступилъ ему на встрѣчу. Князь Нижегородскій прицать дней преслѣдовалъ владѣльца Ордынскаго и засталъ его у Ертукана. Гордый Ханъ приказалъ ему идти въ Орду и ждать его возвращенія. Сіе по-ропливое исканіе Ханскимъ милостей возбудило подозрѣніе въ новомъ Московскомъ Князѣ. Рускіе Князья не стыдились завидовать ласковому воззрѣнію владыки Ордынскаго! Подъ игомъ власти иноплеменной исчезаетъ все, кромѣ ничтожныхъ порывовъ зависти и искапелства.

15 Августа 1389 года, Князь Василій Димитріевичъ возведенъ былъ на прасполѣ опцовскій Посломъ Тахтымаша. Отецъ оставилъ наслѣдство, Ханъ утвердилъ оное. Коварство и клевета не преставали пресмы-

кашья и у престола порабощеннаго. Клеветники и наушники разсорили юнаго Князя съ опытнымъ, мужественнымъ и великодушнымъ дядею его Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ. Изъ того самаго мѣста, гдѣ сей Князь былъ другомъ отцу Василія Димитріевича и въ щасній и злополучій, удалился онъ въ Серпуховскій свой удѣлъ, а отшуда перешелъ въ Торжокъ. На другой годъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ скончалась въ иночѣняхъ *Марія*, мать Князя Владимира Андреевича. Отъ вражды, возбужденной завистью и клеветой, сынъ ея не насладился послѣднимъ ея возрѣніемъ и не принялъ послѣдняго ея завѣщанія. Всю силу сей скорби чувствуютъ сыны, умѣвшіе цѣнить труды и попеченія нѣжной матери! *Марія* погребена въ церкви *Божіей Матери*, которую она соорудила при обители, устроенной ея иждивеніемъ. Сладостно успокоиться тамъ послѣ преволненій сей жизни, гдѣ благопостижили неимущему и спраждущему человѣчеству! Вскорѣ по смерти *Маріи*, Князь Московскій примирился съ дядею своимъ Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ. Къ областямъ его присовокупилъ онъ *Волоколамскъ* и *Ржевъ*. У перваго изъ сихъ городовъ Князь Владимиръ муже-

сшвенно ополчился вѣ нашествіе Тахты-маша на Москву и заставилъ его бѣжати вѣ Орду.

Митрополишѣ Кипріанѣ, удалившійся вѣ Кіевѣ при жизни Димитрія Донскаго, снова возвратился вѣ Москву. Добродѣтели и шерибніе восторжествовали. Вспрѣчая Кипріана, Евдокія, вдова Князя Димитрія, и сынѣ ея съ невѣстою своею, вышли за городѣ. Невѣста Князя Василія прибыла вѣ Москву по смерти его отца. Для воздаяніа должнаго поминавеніа, онѣ отложилѣ бракосочетаніе, совершившееся по прибытіи Митрополита Кипріана.

Распри Князей Удѣльныхъ сопровождались и распри церковными. Тверской Князь *Михаилѣ Александровичѣ*, къ успокоенію Тверской пашвы, избралѣ посредникомѣ Митрополита Кипріана. Отправясь вѣ Тверь, отпрѣшилѣ онѣ высокобранаго Епископа Ефиміа, и по возвращеніи вѣ Москву назначилѣ ему для пребыванія Чудовѣ монастырь, гдѣ вѣ удаленіи отѣ всѣхѣ тревогѣ могѣ онѣ обратиться къ смиренію, сему первому основанію Пастырскихѣ добродѣтелей.

Возмущенія и междоусобія Ордынцевѣ продолжались. Разномысліе готовило паденіе Та-

тарѣ и въ предѣлахъ Азіи и за Волгою. Князь Московскій, находясь въ Ордѣ 1391 года, принужденъ былъ удалиться отсюда по причинѣ нашествія Хана *Шемаханскаго*. Въ сіе время при Тапарино добровольно крестились въ Москвѣ. Еслибъ Рускіе Князья не унижали себя въ Ордѣ происками зависти и междоусобія; еслибъ въ несчастныя времена, испытывающія твердость духа и добродѣтель, они являли единодушіе и согласіе: тогда бы скорѣе свергли иго рабства и обратилибъ угнетенныхъ своихъ къ Вѣрѣ, ими исповѣдуемой. Вѣра, оправдываемая дѣлами, всего сильнѣе дѣйствуетъ.

Въ печеніи 1391 года Новгородцы, привыкшіе къ корыссти и добычамъ, согласясь съ обывателями *Устюжскими*, пустились внизъ по рѣкѣ *Вяткѣ*, взяли *Тюкотинъ* и *Казань*, опять вошли въ Волгу и окончили наглою свой походъ грабительствомъ и буйствомъ.

Въ Твери продолжалось волненіе духовныхъ властей. Кипріанъ вторично отправился туда съ проподіакономъ *Арсеніемъ*, которому въ первое хожденіе въ Тверь предлагалъ Епископство. Добродѣтельный Арсеній по настоятельному пребыванію принуж-

день былъ согласиться. Тотъ еще болѣе достоинъ уваженія, кто знаетъ тягости вышнихъ степеней и для блага ближнихъ подбѣмлетъ бремя начальства.

Успокоя Тверь, Кипріанъ посѣтилъ Новгородъ. Новгородцы встрѣтили его радостно, и вскорѣ вознегодовали. Корысть влекла ихъ къ разбоямъ, своеволю къ неповиновенію. Услыша, что Кипріанъ пребудетъ, чтобы они возвратили права, принадлежавшія Московской Митрополіи, Новгородцы возразили: «Мы запечатали грамоты и души наши; мы писали, что не хотимъ Митрополитскаго суда, и теперь то же повторяемъ.» Поспѣшая въ Москву отъ буйства и строптивости, Кипріанъ сказалъ Новгородцамъ: «Вы не стыдитесь посрамлять имя свое въ чужихъ областяхъ грабежемъ и буйствомъ, и вы почитаете стыдомъ исполнять опечесивенные законы! Вы хвалитесь вольностью, но вы рабы корысти и разврата.»

1392 Года преставился благочестивый Сергій Радонежскій, основатель Троицкой обители. Подъ мирнымъ кровомъ священнои обители, служа Богу, неушомимо служилъ онъ и Ошечесиву. Наставленіями его руководствовался Князь Димитрій Донской. Сѣ-

пуя о междоусобіяхъ Князей Удѣльныхъ, Сергій былъ посредникомъ и миротворцемъ. Святитель Алексѣй, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ и желая сдѣлать Сергія преемникомъ Митрополитскаго престола, готовился возложить на него всѣ блестящія украшенія, знаменующія сей санъ; кроткій и смиренный Сергій отвѣчалъ: «Прости меня, Владыко! я отъ юности не былъ златоносецъ; теперь уже приближаюсь ко гробу: оставь меня нищенъ моею.» И Сергій имѣлъ враговъ! Но онъ побѣждалъ ихъ терпѣніемъ и смиреніемъ. Окончивъ жизненный подвигъ, сей другъ Вѣры и добродѣтели отверзтою смерти дверью вошелъ въ селенія небесныя!

Тахтымашъ, возвращаясь въ Орду изъ похода, требовалъ отъ Князя Московскаго удовлетворенія за расхищеніе Новгородцами обласпей, ему подвластныхъ. Въ то же время Князь Владимиръ Андреевичъ жаловался на Новоторжцевъ, ограбившихъ Ржевскихъ купцовъ. Василій Димитріевичъ и тѣхъ и другихъ убѣждалъ уплатить убытки; но тщетно. Къ ушолению Ханскаго гнѣва Московскій Князь самъ пошелъ въ Орду, а дядю своего Владимира Андреевича отправилъ усмирить Новгородцевъ и Новоторжцевъ. Ни пожары

ни опустошенія не укротили ихъ; въ буй-
ствѣнномъ ожесточеніи ворвались они въ *Ус-*
тубъ Великій, поразили братьевъ своихъ и огра-
били ихъ имущества. Вотъ плоды мнѣмой
Новгородской вольности! Гдѣ нѣтъ умѣрен-
ности и добродѣтели, тамъ нѣтъ и свободы:
буйство порождаетъ разврату.

Находясь въ *Ордѣ*, Князь Московскій
уклонился отъ законовъ чести и правоты.
Желая низвергнуть Нижегородскаго Князя
Бориса Константиновича, онъ прибѣгнулъ
къ постыдному подкупу. Тахтымашевы пре-
вращенцы, ослѣпленные блестящими дарами,
взяли сторону Князя *Василія* и продали ему
Нижегородскую область. Полагаютъ, что
Князь Московскій мстилъ Нижегородскому
Князю за то, что онъ приотцѣ его-содѣй-
ствовалъ походу Тахтымаша къ Москвѣ.
Тщетно Князь Нижегородскій умолялъ Бояръ
своихъ не оставлять его въ злополучіи.
Успокоивая его лестными словами, они умыш-
ляли въ душахъ своихъ измѣну, и отсту-
пивъ отъ совѣсти и вѣрности, выдали Князя
и семейство. Умѣя мстить, а не прощать,
Князь *Василій* заключилъ въ темницы Бояръ,
усердствовавшихъ Князю Нижегородскому, и
опредѣлилъ въ сей области своего Намѣстни-

ка. Тахтымашъ снова потребовалъ Князя Василя въ Орду и утвердилъ за нимъ Нижній-Новгородъ, Городецъ и Тарусу. Князь Мо-

ковскій возвратился съ приращеніемъ областей, но съ ущербомъ чести и правоты. Въ сіе время скончался Бояринъ Данила Федоровичъ, дѣлившій съ Княземъ Василемъ заключеніе въ Ордѣ и не щадившій для него жизни въ странахъ иноземныхъ. Смерть его повергла Князя Московскаго въ скорбь и сътovanje. Орошая слезами гробъ вѣрнаго своего Боярина, онъ могъ бы вспомнить, что вѣрные Бояре Князя Нижегородскаго спраждутъ въ темницахъ, спонутъ подъ тягостію оковъ; но онъ сего не вспомнилъ! Гибельное власполюбіе, исканіе первенства, не укротившіяся и подъ игомъ Татаръ, заглушали чувства жалости и справедливости.

Татары, торгуя Рускими областями, усиливая Московское Княжество и ослабляя другіе удѣлы, сами устроивали свое паденіе.

Полагаютъ, что около 1392 года *Тамерланъ* изъ Заволжской Орды пошелъ къ *Вльцу* и взялъ сей городъ, почишаемый оградой и защишой земли Руской. Московскій Князь, успрямясь къ отраженію *Тамерлана*, расположился станомъ на берегу рѣки *Сосны*;

по ту сторону рѣки находились враги. Простоявъ двѣ недѣли, сопроводивники разошлись. Тамерланъ предпринялъ путь въ низъ по Дону къ *Азову*. Въ Рускихъ лѣтописяхъ упоминаютъ, будто бы сей неутомимой завоеватель снова возшумѣлъ въ Заволжской Ордѣ и спалъ жертвою жестокой стужи. По другимъ лѣтописямъ, Тамерланъ умеръ, предпринимая завоеваніе *Китая*. Надѣясь покорить сіе многолюдное Царство, учредилъ онъ пиршество, на которое пригласилъ подданныхъ своихъ всякаго сословія. Въ объявленіи о семъ пиршествѣ онъ вѣщалъ: «Нынѣ время празднества и ликованія. Каждой да оставитъ вражду и непріязнь; богатый да не дерзнетъ оскорблять бѣднаго. Никто да не отважится вопрошать другаго: для чего ты здѣсь?» Провидѣніе разрѣшило сей вопросъ. Тамерланъ какъ будто бы нарочно созвалъ многочисленные сонмы подданныхъ своихъ, чтобы они были свидѣтелями ничтожности замысловъ человѣческихъ. Среди шумнаго торжества, въ упоеніи восхищительныхъ надеждъ, Тамерланъ низвергся во гробъ. Въ послѣднее мгновеніе своей жизни убѣдась, что громкая его слава, купленная кровью и гибелью человѣчества, есть мечта и ужасный

призракъ, обличающій предъ Богомъ и со-
вѣстью; завоеватель Азіи произнесъ сіи
слова: *одинъ Богъ Великъ!*

Отъ 1392 до 1395 года происходили раз-
личныя вражды и междоусобія въ землѣ Ру-
ской и въ Ордѣ. Гибельны были сіи вражды
для современниковъ; но повѣствованіе о нихъ
упомляетъ единообразіемъ. Лилась кровь,
пронырствовало коварство; слабые были пер-
выми жертвами; сильные въ очередь свою
тому же подвергались жребію

1396 Годъ достопамятенъ кончиною Епи-
скопа *Стефана*. Сей ревностный наставникъ
Вѣры, не искавъ ни блеска, ни молвы народной,
удалился въ Пермскія области. Тамъ, укрѣ-
ленный Богомъ и съ крестомъ въ рукахъ,
устремлялся онъ во глубину дремучихъ лѣ-
совъ, переходилъ за болота проспранныя,
ездѣ собиралъ людей, незнавшихъ ни пра-
вилъ, ни закона, и чуждыхъ нравственности,
отличающей человека отъ безсловесныхъ.
Вогулити, Зыряне, Пермяки и другіе не
общешительные народы, не слышавшіе ни-
когда имени истиннаго Бога, силою примѣра
преклонились къ Вѣрѣ. Отъ кумировъ без-
душныхъ возвели они взоры къ Творцу, неба
и земли; отъ безнравственнаго оцѣпенія,

уподоблявшаво души ихъ желѣзу, скрывающемся въ нѣдрахъ земли, на кошорой они пресмыкались, а не жили: сердца ихъ обратились къ любви и ко взаимному попеченію другъ о другъ. Усугубляя усердіе свое къ пользамъ новаго общества, Стефанъ изобрѣлъ буквы, посредствомъ которыхъ объяснялъ правила священной нравственности, возвѣщающей святость браковъ, чистоту нравовъ, любовь къ труду и земледѣлію, и утверждающей зданіе общественнаго благоденствія. Пермскій Епископъ примѣромъ своимъ доказалъ, что друзья Вѣры суть также и друзья человечества.

Между тѣмъ Тахтымащъ, торжествуя побѣду надъ врагами, съ радостною вѣстію разсылалъ пословъ по всѣмъ подвластнымъ областямъ. Но вскорѣ миновалось мгновенное торжество. Тахтымащъ, пораженный Ханомъ Кутлѣй-Тежиромъ, убѣжалъ съ семействомъ своимъ въ Кіевъ, гдѣ Липовскій Князь Витовтъ далъ ему пристанище, какъ бѣдному страннику. Какой урокъ для завоевателей, еспьлибъ они могли внимать гласу опыта и благоразумія! Мечтая о вселенной, они не рѣдко въ тѣс-

номъ углу оканчивающѣ жизнь, обременявшую человѣчество.

1398 Года Новгородцы ходили на Двину для отнятія пригородковъ, завоеванныхъ у нихъ Княземъ Московскимъ. Походъ ихъ ознаменовался пожарами, убійствомъ и опустошеніемъ Двинской области. На другой годъ, по совѣту Новгородскаго Епископа Іоанна, отправили они мирныхъ пословъ къ Князю Василию. Убѣждая Новгородцевъ къ кротости и покорности, Іоаннъ сказалъ имъ: *примиритесь съ Княземъ Василиемъ; не проливайте крови Христіанской! Уже ли сей самый голосъ не вопіялъ въ сердцахъ Новгородцевъ до опустошенія земли соотечественниковъ своихъ? Буйство истребляетъ Вѣру и совѣсть. Князь Московскій, принявъ мирныхъ Новгородскихъ пословъ, опустилъ съ ними брата своего Андрея Дмитріевича.*

1399 Года скончался Тверскій Князь Михаилъ Александровичъ, княжившій 34 года. Сынъ его Иванъ Михайловичъ вступя на престолъ, просилъ Бога со слезами, чтобы Тверскіе жители являли ему ту же неизмѣнную любовь, какую хранили къ отцу его. Онъ обѣщалъ соблюдать правду и судъ; онъ увѣрялъ, что постарается владычествовать

надѣ сердцами любовью и милосердіемъ. Любовь и милосердіе исцѣляютъ скорби душевныя. Бояре и народъ утѣшились; но новый Князь вскорѣ показалъ, что онъ преемникъ престола, а не наслѣдникъ отцовскихъ добродѣтелей. По прибытіи въ Тверь матери его и братьевъ, произошла распря. На жалобы ихъ онъ отвѣчалъ: *Бояре ослушались васъ по моему приказанію. Мудрый правитель, не угнѣтая подданныхъ, соблюдаетъ законную свободу и предупреждаетъ своеволие. Князь Тверской наруша обязанности сына и брата, потворствовалъ своеволю изъ малодушія.*

Забывъ братскую любовь, Князь Тверской ополчился на брата своего Князя Василія *Кашинскаго*, который убѣждалъ подѣ покровительство Князя Московскаго. Въ продолженіе 1403 года возобновились вражды и перемирія Князей Тверскихъ, соединенныхъ родствомъ, но раздѣленныхъ междоусобіями.

1406 Года скончался Кипріанъ, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, уроженецъ Сербскій. При торжественномъ собраніи Епископовъ, онъ погребенъ былъ въ Москвѣ въ церковь Успенія Божіей Матери Митрополитской. Управляя Митрополіей около 30 лѣтъ

занемогъ онъ въ любимомъ своемъ селѣ *Голе-*
нищевѣ, въ мѣстѣ уединенномъ и безмятеж-
номъ, между рѣкъ *Сетуни* и *Ражейки*, и
осѣненномъ съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ. Въ
сихъ предѣлахъ безмолвія и тишины соору-
жена была церковь *Трехъ Святителей*; домъ
Кипріана спсѣлъ надъ прудомъ. Лѣса дрему-
чіе, безмолвное уединеніе не доставляютъ
спокойствія, естли оно не обитаетъ въ
душѣ непорочной и въ чистой совѣсти. *Ки-*
пріанъ наслаждаясь сими безцѣнными дарами,
наслаждался и безмятежнымъ уединеніемъ.
Подъ тѣнію лѣсовъ, ограждавшихъ его жи-
лище, упражнялся онъ въ благочестивыхъ
писаніяхъ и оживотворялъ дѣянія вѣковъ про-
шедшихъ. Тамъ сочинилъ онъ часть лѣпо-
писи, извѣстной подъ названіемъ: *Степен-*
ныхъ книгъ. Какъ блюститель Вѣры, пред-
писывающей забвеніе обидъ, онъ не помнилъ,
что удаленъ былъ изъ Москвы *Димитріемъ*
Донскимъ, и блистательнымъ перомъ начер-
талъ заслуги, оказанныя симъ Княземъ зем-
лѣ Руской. Онъ зналъ, что *Димитрій* по
слабости, сродной человѣчеству, былъ
уловленъ клеветою и наушничествомъ: но
онъ зналъ и то, что временныя недоспадки
не помрачаютъ славы великаго человѣка. За

нѣсколько дней до смерти своей, Кипріанъ написалъ прощальную грамоту, въ которой напоминалъ обязанности власпямъ и народу.

«Оплачемъ жребій человѣческій,» вѣщалъ онъ въ заключеніи духовной своей: «мы бѣдны крѣпостію и силой, но мы обогащены злополучіемъ. Сегодни цвѣтемъ, и возносимся, а завтра низгераемся въ гробъ на жертву шлѣнія. Съ водемъ исходимъ въ міръ; послѣ тяжкихъ трудовъ съ стономъ укладываемся въ могилу. Начало и конецъ нашего бытія плачь и стонъ. Жизнь наша сновидѣніе, мечта и борьба спрѣсшей. Увядаемъ какъ скоротечный цвѣтъ, исчезаемъ какъ дымъ, въ воздухъ разлетающійся! Все исчезаетъ: блескъ почестей, сокровища; остаются одни дѣла, примѣръ и наставленіе.»

Около двухъ лѣтъ спустя по кончинѣ Кипріана, который съ безмятежіемъ добродѣтели отошелъ туда, гдѣ за нее награда и вѣнецъ; 1409 гда послѣдній Смоленскій Князь *Юрій Святославичъ* умеръ подъ бременемъ скорби и раскаянія. Изъ Смоленска, захваченнаго Княземъ Вишгвтомъ Литовскимъ, шестемъ Князя Василія Дмитріевича, Юрій удалился въ Новгородъ. Опшуда бѣдилъ въ Москву и получилъ въ управленіе

Торжокъ. Въ злополучіи, въ изгнавіи служилъ ему совсею правою душевною Князь Семенъ Мспиславичъ *Вяземскій*, оцаспливленный неоцѣненнымъ даромъ, — нѣжною и добродѣтельною супругой. Прелести ея поразили Юрія. пылая страстію, онъ забылъ семейство свое, забылъ заслуги вѣрнаго Князя Вяземскаго, и покусился расторгнуть союзъ добродѣтельныхъ супруговъ. Онъ дерзнулъ открыть преступное намѣреніе свое. «Князь!» отвѣчала Княгиня Вяземская: «предъ олтарями Господними поклялась я супругу моему въ любви и вѣрности; онъ живъ, я должна жить для него. Не оплучай меня отъ супруга; вспомни его заслуги; вспомни Бога: Онъ защитникъ невинности, Онъ покровитель святости супружества!» Тщесны были увѣщанія добродѣтели; Юрій прибѣгнулъ къ насилію. Раздраженная супруга, вооружаясь противъ неистовства, схватила ножъ и желая поразить сердце, отдѣлявшее ее отъ сердца ея друга, ранила Князя Смоленскаго въ руку. Освирѣпѣвшія страсти ничего не щадящъ. Юрій казнилъ ея мужа и супругу его, подвергъ такому же жребію. Вскорѣ исчезло ослѣпленіе; вскорѣ въ возмущенной душѣ слышалъ онъ волю совѣсти.

При всѣхъ тогдашнихъ неустройствахъ святость брачнаго союза уважалась въ землѣ Руской; мужъ клятвопреступный подвергался позору и общему негодованію. Гонимый раскаяніемъ и негодованіемъ соотечественниковъ, Юрій убѣжалъ въ Орду, гдѣ бракъ не освящался ни Вѣрою, ни нравственностію. Отдаленіе мѣстъ не отдалило его отъ перзаній безпристрастной и неумолимой совѣсти: тѣни убіенныхъ страдальцевъ, тѣни вѣрныхъ супруговъ и тамъ его преслѣдовали; кровь ихъ ежеминутно вопіяла. Мечтая въ отчаяніи своемъ, что возрѣніе на страну родную хотя мало его успокоитъ, Юрій изъ Орды перешелъ въ область Смоленскую. Тщешно перемѣнялъ мѣста; перязаніе души его не измѣнялось. Одинъ, сопровождаемый только раскаяніемъ и лютыми воспоминаніями, скипался онъ по дремучимъ лѣсамъ, по пущынямъ, не смѣлъ возвратиться въ обѣщанія семейства своего, не смѣлъ искать убѣжища ни у прежнихъ Бояръ, ни у служителей своихъ; въ безмолвномъ уединеніи, въ мѣстахъ безопасныхъ, вездѣ предспавлялся ему ужасъ, возмущавшій его, душу. Долгое время скипаясь безъ цѣли, безъ намѣренія, питаясь подаяніемъ, какъ сираникъ, всего

лишенч ый, Юрій пришёлъ въ области Рязанскія въ пустынную обитель Петра Игумена. Вѣра, разящая злодѣевъ ожесточенныхъ, проспираетъ утѣшительныя обѣщанія къ раскаянію. Пустынникъ Петръ принялъ Юрія съ любовью и состраданіемъ. вмѣстѣ съ нимъ молился и проливалъ слезы. Въ послѣдніе дни жизни своей Князь Смоленскій узналъ, что мститель за оскорбленную невинность живетъ въ сердцѣ нашемъ и въ небесахъ. Сстраданіе безвременно повергло его въ могилу; раскаяніе его — осталось въ урокъ пороку и спасенію.

Смоленская область пала отъ тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ пала и Кіевская страна. Междоусобіе Князей Смоленскихъ во всей силѣ свирѣпствовало 1396 годъ. Отъ вражды братьевъ своихъ, Князь Юрій Святославичъ принужденъ былъ бѣжать къ тестю своему Олегу Рязанскому. Князья Рязанскіе вступились за Юрія; братья его призывали на помощь Витовта Литовскаго. Сей вѣроломный союзникъ, желая сперва ослабить а потомъ поработить Смоленскъ, разорилъ и опустошилъ его предѣлы; отсюда устремился къ Рязани. Олегъ принужденъ былъ спѣшить къ защитѣ своего удѣла. Витовтъ

удалился и оставилъ Олёгу добычу, награбленную въ Смоленскѣ. Юрій Святославичъ поселился у тещя своего, скорбя о злобѣ братій своихъ. Доброе сердце, неподкрѣпляемое твердостью душевною, легко увлекается порывами спрасшей: вотъ что сдѣлало Юрія преступникомъ. Но Смоленскіе Бояре, призвавше Витовша, еще были виновнѣе. Они дѣйствовали по расчетамъ пошудной корысти, охлаждающей, а не воспаляющей душу и сердце; они предали Витовшу Смоленскѣ. Вскорѣ постигла ихъ напасть; одни были казнены, другіе сосланы. Вѣрность устрашаетъ властолюбцевъ; они любятъ измѣну, но губятъ измѣнниковъ, опасаясь предательства. Хитрый Липовецъ, къ обольщенію Смоленскихъ жителей, имъ ограбленныхъ, далъ нѣкоторыя вольности и выгоды. Права и вольности, предоставляемыя завоевателемъ, умерщвляютъ отечественную свободу: такому жребію подвергся Смоленскѣ. Измѣною, разномысліемъ и междоусобными распрями преданъ онъ въ чужія руки, а порабощенъ былъ обольщеніемъ. Такъ гибли и обширныя и малыя области; отъ сихъ причинъ Россія подверглась игу Татаръ. Одинъ только древній удѣлъ Бѣлозерскій палъ отъ

того, что всѣ Князья его пострадали на Задонскомъ побоищѣ за Вѣру и Отечество. Славнѣе съ честію упасть, нежели возвышаться вѣроломствомъ.

1409 Года свирѣпствовала суровая зима, выпадалъ глубокой снѣгъ, шумѣли вьюги и порывистые вѣтры; казалось, что негодующая природа затрудняла путь Рускимъ Князьямъ въ Орду. Но спраси, не внемля волненію природы, пролагали пути къ разоренію Отечества. Съ появленіемъ весеннихъ дней зашумѣла буря междоусобной брани. Князь *Иванъ Владимировичъ Пронскій*, совокупясь съ Татарами, напалъ внезапно на *Феодора Олговича* Рязанскаго и овладѣлъ Рязанью. Послѣ кровопролитной битвы, Князья примирились, но примиреніе не возвратило отцевъ семействъ и родственниковъ, погибшихъ не за Отечество, но отъ неистовства распри междоусобной.

Такія же безпокойства происходили и въ Тверской области: братья ополчались противъ братьевъ, родственники изгоняли родственниковъ; несчастныя ихъ семейства страдали; подданные гибли: Татары увеселялись разореніемъ Россіи.

1410 Года Татарскій Князь Едигей, про-
 исками своими поработя Хана и обольщая
 Князя Московскаго, умыслилъ нанесшъ Россіи
 послѣдній ударъ. Уловляя въ сѣти свои Ва-
 силія Дмиѣріевича, онъ называлъ его своимъ
 любимцемъ, сыномъ, и увѣрялъ, что до-
 ставитъ ему власть самодержавную. Подъ
 личиною дружбы, домогался онъ воз-
 будить въ Рускихъ Князяхъ недовѣріе къ
 Князю Московскому, вооружить другъ про-
 тивъ друга, и на общемъ ихъ безсиліи и
 изнеможеніи утвердитъ Владычество Ордын-
 ское. Въбравъ пронырливому Едигею, Князь
 Московскій жаловался ему на песпя своего
 Князя Вишовта Лишовскаго, владѣвшаго
 Смоленскомъ и Кіевомъ. Коварство всѣмъ
 пользуется къ достиженію своей цѣли. Еди-
 гей, лаская тайно песпю и зятю, изрывалъ
 имъ пропасть. Ссылаясь съ Княземъ Вишов-
 томъ и принимая отъ него дары, онъ вну-
 шалъ ему, что властолюбивый зять хочетъ
 захватить его области. «Предупреди» вѣщалъ
 онъ Вишовту, чрезъ пословъ своихъ: «пред-
 упреди Князя Московскаго; онъ пребудетъ мо-
 ей помощи. Спупай въ Рускіе предѣлы; Едигей
 на помощь тебѣ приготвитъ войско Татар-
 ское.» Такимъ же въроломствомъ обольщалъ

онѣ и усыпалѣ прозорливостѣ Князя Московскаго. Возгорѣлась война, Рускіе и Липовцы испомлялись; Таттары, припеорно помогая Рускимѣ, обогащались корыснью и выжидали изнеможенія Рускихѣ и Липовцевѣ. Кѣ довршенію злополучія земли Руской, вѣ сіе время не было Боярѣ великодушныхѣ, поспѣвшихѣ вѣ вѣрности и добродѣтели. Юные и непопытные временщики, наглые и дерзкіе вѣ щаспіи, но малодушные вѣ опасости, которую не умѣютѣ ни предвидѣть, ни отворачивать: сіи легкомысленные люди заранѣе провозглашали Князя Василія Государемѣ Липвы и Орды. Хитрые Таттары, пользуясь заблужденіемъ юныхѣ временщиковѣ и привозя вѣ Москву добычи, похищенныя у Липовцевѣ, занимали ихѣ шумными пиршествами. Забывѣ Опечество, юноши Рускіе ликовали съ иноплеменниками. Сей развратѣ произошелъ отѣ того, что Рускіе питомцы не оживляли дѣланій прошедшихѣ ни вѣ мысляхѣ, ни вѣ душахѣ своихѣ: они не взглядывали на древнія лѣтописи, изображавшія славу Рускихѣ Князей и напоминавшія о Боярахѣ, которые не запинаясь говорили правду, и страшились не тѣмъ Княжескаго, но Бога и совѣсти. Памятники опечественные исплѣва-

ли въ пыли, или были только въ рукахъ престарѣлыхъ мужей, на краю гроба стоявшихъ. Видя и оплакивая гибель Отечества въ уединенныхъ жилищахъ своихъ, сіи опытные сыны Отечества говорили: »До чего мы дожили? Рускіе призываютъ на помощь Татаръ! Рускіе предлагаютъ сокровища врагамъ и губителямъ земли Руской! Уже ли забыли; отъ чего пали Кіевскія и Черниговскія области? Братья, вооружайтесь противъ братьевъ, призывали, нанимали Половцевъ къ истребленію соотечественниковъ; они надѣялись погубить другъ друга наемнымъ оружіемъ. Половцы, приглашаемые Рускими, высматривали внутренность нашего Отечества: замѣчали силу и недостатки, и въ глазахъ Рускихъ ковали имъ цѣпи. Отъ междоусобій, отъ предательства земли Руской иноплеменикамъ, пали древніе престолы; исчезло Отечество, воспоржествоваала власть иноплеменная.«

Князь Московскій и Вишовтъ Литовскій, возмущенные происками Татаръ, три года проливали кровь воиновъ своихъ безъ славы, безъ пользы, и наконецъ истоща силы, заключили ненадежный миръ на берегахъ рѣки Угры. Литовскій Князь Свидригайло, слу-

жившій у Князя Василія, равно Едігею ослаблялъ его мечтами тщеславія и самовластія. И сему пришельцу Князь Московскій ввѣрилъ лучшія области свои; онъ ввѣрилъ ему даже и Владимиръ на Клязьмѣ, перво-бышнюю столицу Князей Бѣлорускихъ! Едігей, дождавшись истомленія Россіи и Литвы, послалъ сказать Князю Московскому: «Ханъ Булатъ, уважая твою преданность, спѣшитъ въ области Московскія съ войскомъ своимъ и вмѣстѣ съ тобою пойдетъ противъ Витовта Литовскаго. Пошли на встрѣчу къ нему сына, или брата, или когонибудь изъ знаменитыхъ Боярѣ. Время славы твоей наступаетъ; Литва падетъ отъ Татарскаго оружія, совокупленнаго съ оружіемъ Рускихъ. Мы распространимъ твои предѣлы и цѣлому свѣту покажемъ, какъ уважаемъ Князя Московскаго.»

Отъ сей вѣсти открылись глаза ослабленнаго Князя; но уже поздно было спасать себя и Опечество. Юные временщики объялись страхомъ и недоумѣніемъ. Князь Василій вспомнилъ прехлѣпнее заточеніе свое въ Ордѣ; онъ убѣжденъ былъ, что отправя сына, или брата, отдася ихъ въ руки Татаръ. Наконецъ рѣшился послать Боярина

Юрія. Едигей приказалъ задержать Рускаго посла, сопутниковъ его и разставить стражу по всѣмъ дорогамъ, чшобы не передали вѣсти Князю Московскому.

Вскорѣ явился Едигей въ предѣлахъ Россіи съ сильнымъ Татарскимъ ополченіемъ. Войско Руское находилось въ расбѣяніи, не кому было встрѣтить враговъ и защищать Остечешва. Князь Василій, надѣявшійся самодержавствовашь, бѣжалъ съ семействомъ своимъ въ *Кострому*. Дядя его Князь Владимиръ Андреевичъ, посѣдѣвшій въ подвигахъ славы и усердія къ землѣ Руской, оспался въ *Москвѣ*. Страхъ и грабежи волновали Московскихъ обывателей; окрестности пылали и дымились; Татары со всѣхъ сторонъ облегли сѣсныя городскія. Отряды Татарскіе разоряли и обращали въ пепелъ *Переяславъ*, *Ростовъ*, *Дмитровъ*, *Серпуховъ*, *Верею* и простирали набѣги до Нижняго Новгорода. Къ симъ ужасамъ присовокупилась грозная зима, сопровождаемая вьюгами и бурями. Въ лѣсахъ и по полямъ падали нецѣлныя жертвы, окованныя страхомъ и служею. Едигей услыша, что мужеспвекный Князь Владимиръ Андреевичъ оспался въ *Москвѣ*, вообразилъ, что взяты были накія

нибудь предварительныя мѣры къ оборонѣ Столицы. Присутствіе великаго человека возмутило враговъ; но сей великій человекъ не могъ оператись напаси отъ того, что легкомысліе временщиковъ заглушило голосъ опытности. Одни только мудрые Государи умѣютъ принимать полезныя совѣты.

Не опваживаясь брать приступомъ Москвы, Едигей расположилъ главный станъ въ Коломнѣ, надѣялся истомить обывателей гододомъ и принудить ихъ къ сдачѣ. Уже заранѣе торжествовалъ онъ съ сообщниками своими паденіе Москвы и Россіи. Литовецъ Свидригайло, столь превозносившійся мужествомъ, доколѣ не угрожала опасность, обрѣтый постыдною робостью, нигдѣ не встрѣчалъ Татаръ, вездѣ укрывался отъ взоровъ ихъ. Уже Едигей отправилъ тридцать тысячъ отборнаго войска за Княземъ Василиемъ и требовалъ, чтобы и Тверской Князь спѣшилъ къ осадѣ Москвы. Страшась Татаръ, онъ двинулся съ войскомъ къ Клину; но вспомня, что идетъ на разореніе Ошеческѣ, возвратился въ свой удѣлъ. Посланный отрядъ за Княземъ Василиемъ не нашедъ его, прибылъ къ Едигею. Войско Татарское усиливалось; города Рускіе горѣли

и опустошались; гибель Москвы и Россіи казалась неизбежною. . . . Но Богъ оглянулся на землю Рускую!—Едигей внезапно получилъ отъ Хана Булата извѣстіе, чшобы онъ спѣшилъ въ Орду къ отраженію непріятельскаго Хана. Немедленно, совокупя войско и взявъ окупъ съ Москвы, Едигей выступилъ изъ Россіи въ Орду. Въ то же почти время наглый Литовецъ, Свидригайло, спѣша въ Литву, довершилъ опустошеніе Серпухова. Рускіе увидѣли гибельные плоды сообщества съ чужеземцами; но дни мира и единодушія еще далеки были. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Москву, Князь Василій, не защищавшійся противъ Татаръ, собралъ и отправилъ войско противъ соотечественниковъ въ Ростовскіе, въ Ярославскіи и Нижегородскіе предѣлы.

Не задолго передъ симъ походомъ скончался Князь *Владимиръ Андреевичъ*, внукъ Ивана Даниловича *Калиты* и двоюродный братъ Димитрія Ивановича, съ которымъ раздѣлялъ наименование *Донскаго*. Рожденіе сего Князя полагаютъ около 1352, а смерть постигла его 1410 года; онъ жилъ 58 лѣтъ. Родословную, лѣта и всѣ другія подробности, относящіяся къ Князьямъ, пріятно-

вспоминати тогда, естли имя свое оправдали они дѣлами чести и славы. Любовь къ Отечеству Князя Владимира Андреевича увѣковѣчилась на полѣ Задонскомъ; приверженность его къ землѣ Руской ознаменовывалась во всѣхъ напасяхъ ея; искренность родственной любви доказалъ онъ неоднократно прощеньемъ обидъ и оскорбленій. Наконецъ усердіе къ Вѣрѣ подтвердилъ завѣщаніемъ нѣсколькихъ волостей священнымъ обителямъ для вспомошествованія спраждущему челоучеству. Среди всѣхъ внутреннихъ волненій, тогда еще увѣрены были, что богатство церковное есть имущество бѣдныхъ. Одинъ изъ лучшихъ Князей земли Руской, Князь Владимиръ Андреевичъ, засвидѣтельствовалъ сію истину. Въ его время ревностные сыны Вѣры и друзья добродѣтели, опхозя во гробѣ, питались сладостною надеждою, что они и по смерти своей будутъ жить съ соотечественниками силою любви и благодѣланія. Съ кончиною Владимира Андреевича померкла слава, озарившая Рускихъ на Задонскомъ боищѣ. Она снова возсіяла въ потомствѣ; но тогда и на рапномъ и гражданскомъ поприщѣ не оспалось преемника добродѣтелей и славы его.

Добродѣтель, усыпленная въ сердцахъ Князей и Боярѣ, сіяла еще въ дѣлахъ Митрополита Ѳотія. Послѣ разоренія, причиненнаго Едигеемъ, устроивъ Московскую паству, какъ вѣрный Пастырь церкви и какъ другъ человѣчества, Ѳотій отправился во Владимиръ. Ревностно приступилъ онъ и къ устройству Владимирской паствы; но злоба и зависть снова вооружились. Данило Борисовичъ, по имени Князь Нижегородскій, а по качествамъ сообщникъ Татаръ, согласясь съ ними, тайно успремился въ область Владимирскую. Онъ внезапно напалъ на городъ въ то время, когда обыватели, по тогдашнему обыкновению, успокоивались сномъ послѣ обѣденной трапезы. Ѳотій едва успѣлъ укрыться въ Сенежскія свои помѣстья, огражденные озерами и лѣсами дремучими. Сокровища Владимирскія похищены были Татарами и Княземъ вѣроломнымъ; мирныя убѣжища поселянъ обратились въ пепелъ.

Въ смутныхъ обстоятельствевахъ Ѳотій не успѣлъ совершить препорученія, сдѣланнаго ему въ Цареградѣ. Ему поручено было просить Князя Московскаго, чтобы онъ выдалъ дочь свою Анну въ супружество за сына Греческаго Царя Иммануила. По предвари-

пелъному о томъ извѣщенію, Князь Московскій совѣщавался съ дядею своимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Приближаясь уже ко гробу, но желая поддержать достоинство Князя Московскаго и честь земли Руской, усердный родственникъ уговорилъ племянника своего, чтобы онъ вызвалъ Греческаго Царевича въ Москву. Послѣ Владимірскаго разоренія 1411 года въ Іюль мѣсяцѣ, сынъ Еммануила прибылъ въ Москву, и того же мѣсяца, сочета шись бракомъ съ дочерью Московскаго Князя, отправился въ Грецію черезъ Кіевъ, гдѣ Вишовишъ принялъ внуку свою ласково и одарилъ ее богатыми подарками. Лѣтописцы упоминающъ, что сей бракъ обрадовалъ Москву и Кіевъ. Сіе обстоятельство примирило тещу и зятя, по наущенію Татаръ, изнурявшихъ другъ друга кровопролитною и бесполезною войною.

Въ сіе время коварный *Едигей* наказанъ былъ за злоумышленіе противъ Россіи Ханъ *Булатъ* умеръ; преемникъ его престола, сынъ *Тахшымаша*, *Салтанъ Зелани* изгналъ Едигея за ненависть къ отцу его. Минимая дальновидность человѣческая исчезаетъ въ одно мгновеніе; правоша рано или поздно поржествуетъ.

Въ Твери произошли новыя междоусобія. Князь Тверскій, рѣшась испребитъ брата своего Князя Кашинскаго, велѣлъ захватить его супругу и всѣхъ приближенныхъ. Злополучный Кашинскій Князь сокрылся въ дремучій лѣсъ, спрашась не дикихъ звѣрей, но гоненій и злобы брата своего! Въ усталости, въ отчаяніи душевномъ повергся онъ подъ дерево; съ нимъ не было ни одного провожаго: но Богъ не оставляетъ оправдывающихся. По узкой тропинкѣ, изъ чащи лѣса шелъ поселянинъ. Князь стенившимъ голосомъ подзываетъ его. «Я Князь Кашинскій,» говоритъ онъ: «братъ лишилъ меня семейства моего и престола; онъ преслѣдуетъ меня; онъ ищетъ моей гибели: спаси меня! Недавно имѣлъ я все; теперь изнемогаю, отъ голода и усталости.» И подъ рубищемъ поселянъ скрываются сердца челоѣколюбивыя и сострадаательныя! Крестъянинъ вывелъ Князя изъ лѣсу. Исторія, сохраняющая имена изверговъ, къ сожалѣнію не упоминаетъ о имени сего поселянина; но подвигъ его извѣстенъ Богу и попомству. Князя Кашинскій удалился въ Москву, и забывъ урокъ злополучія, поспѣшилъ въ Орду съ жалобою на брата. Тверскій Князь, устрашась сего

извѣстія, заключилъ ненадежный союзъ съ Вишовтомъ Липовскимъ, чѣобы во всемъ быть за одно. Невѣрный братъ никому не можетъ быть ни другомъ, ни союзникомъ. Голосъ родства, голосъ истины и любовь къ Отечеству заглушающагося воплемъ раздраженныхъ спрасней. Нижегородскіе Князья также отправились къ новому Хану и купили грамошны на владѣнія, проданныя прежнимъ Ханомъ Князю Московскому. Князь Василій, опасаясь происковъ Рускихъ Князей, въ то же время поѣхалъ въ Орду на поклоненіе, надѣясь пріобрѣсти дарами покровительство и благосклонность Ханскую. По требованію владѣльца Ордынскаго и Князь Тверскій поплылъ Волгою въ Орду. Новый Ханъ не долго царствовалъ: онъ палъ отъ руки брата своего Крижбедея. Орда и Россія какъ будто бы соревновали въ мятежахъ, родственныхъ. Рускіе Князья возвратились въ Отечество, раздраемое происками и распрами ихъ. О Нижнемъ Новгородѣ не кончился споръ по недоспашку даровъ для подкупа.

Липовцы и Поляки, негодуя, что Новгородцы, заключившіе съ ними миръ, дер-

жуть у себя Князя Θεодора Юрьевича, сына послѣдняго владѣльца Смоленскаго, угрожали имъ войною. Θεодоръ въ училищѣ злополучія, научась сострадать о ближнихъ, сказалъ Новгородцамъ: «братья и друзья! Богъ воздастъ вамъ за то, что вы не оставили меня въ напастяхъ моихъ; но Богъ наказалъ бы меня, еслибъ за ваше гостепріимство подвергъ васъ кровопролитію. Я привыкъ страдать; я лишился отца, престола; лишился всего: у меня осталась одна опрада, что я невиненъ въ совѣсти и сердцѣ моемъ. Но выдавъ васъ за себя, я учинюсь жертвою разкаянія, которое испомило и свело во гробъ моего родителя. Не нарушайте для меня мира ни съ Польшей, ни съ Литвой; онъ страшится, чтобы я не домогался престола, похищеннаго ими у Князей Смоленскихъ: а я спашусь, еслили, заставлю пролить и каплю крови. Не оскорблю памяти моего отца, оплакиваю бѣдственный его жребій; но примѣръ его показалъ, что безъ добродѣтели нѣтъ ни щастія, ни спокойствія. Живите въ мирѣ и согласіи. Побужа себя Богу, удалюсь въ страну иноземную, но никогда не удалюсь отъ васъ сердцемъ благодарнымъ.» Сіе произшествіе увѣнчало славой

и великодушнаго Князя и Новгородцевъ, которые почти въ первый разъ безкорыстно хотѣли защищать гонимую невинность. Примѣръ рѣдкій тамъ, гдѣ корысть превозмогаетъ чувства сердца и души.

1417 Года было въ Новѣгородѣ моровое повѣтріе, а на другой годъ мятежъ кровопролитный. Междоусобіе прекращено Епископомъ Сімеономъ. Вѣра неоднократно укрощала буйство Новгородцевъ. Щастливы тѣ, которые навсегда внимаютъ ея голосу, предписывающему миръ и любовь! 1421 Годъ достопамятенъ для Новгородцевъ ужаснымъ наводненіемъ; нѣсколько обителей затоплены были разсвирѣпѣвшими волнами; вода доходила до воротъ Прусской улицы. При напоминаніи сихъ бѣдствій въ Летописцахъ сказано, что бури, голодъ и моровыя повѣтрія для того постигали Новгородцевъ, чтобы отвлечь ихъ отъ буйства и разврата. Гибельныя спраски, возмущающія душу, возмущаютъ и природу.

Въ томъ же году свирѣпствовала въ Новѣгородѣ необычайная гроза; устрашенные Новогорцы думали, что огонь небесный все сожжетъ и истребитъ. Гроза небесная скоро-

печнѣ бури страстей. Небеса успокоились, но мятежъ страстей продолжался.

Въ послѣднія времена удѣльнаго правленія, Великій Князь Московскій почитался *отцемъ* Удѣльныхъ Князей, а старшій его сынъ именовался ихъ *старшимъ братомъ*. Димитрій Донской и родственникъ его Князь Владимиръ Андреевичъ въ договорѣ своемъ сдѣлали сіе постановленіе. Они надѣялись учрежденіемъ *семеиственнаго правленія* обуздашь порывы властолюбія. Основываясь на семъ постановленіи, Князь Василій пребоваѣ, чтобы младшій его братъ Константинъ Дмитриевичъ утвердилъ старшинство *малѣшняго* его сына. «Не почту младшаго старшимъ!» сказалъ Константинъ. За сей *опавшій* Князь Василій лишилъ брата своего всѣхъ его областей. Константинъ убѣжалъ въ Новгородъ. Новгородцы были великодушнѣ Князя Московскаго; они приняли его брата и назначили ему во владѣніе нѣсколько городовъ. Василій не отважился мстити, чувствуя укоризны совѣсти, или по безсилію своему. Бояринъ Федоръ Патрикеевичъ, *дѣлившій* щастіе Князя Константина, послѣдовалъ за нимъ и въ изгнаніе. Имена, ознаменованныя *вѣрностію* и правотою, украша-

юшѣ лѣтописи и напечатлѣваюшся въ сердцахъ.

1425 Года скончался Князь Василій Дмитріевичъ. Сей Князь съ четырнадцати лѣтъ ошлученъ былъ изъ Отчества; три года содержался въ Ордѣ подъ спражею и около года странствовалъ по чужимъ землямъ. Хотя онъ провелъ юность въ мятежныхъ обстоятельствахъ, но не приобрѣлъ ни предусмотрительности, ни осторожности. Лишась вѣрнаго Боярина Феодора Даниловича, сдѣлался со товарищемъ юныхъ временщиковъ, которые, обольщая его мечтами властолюбія, вовлекли въ сѣти, разспавляемыя хитрыми Татарами. Въ числѣ временщиковъ первое мѣсто занималъ сынъ Боярина Феодора Даниловича. Сей неопытный любимецъ показалъ, что съ отцемъ его сокрылись во гробъ благоразуміе и добродѣтели, его украшавшія. Хотя въ *тридцати шестилѣтнее* княженіе Василія Дмитріевича, до 1410 года, жилъ знаменитый Князь Владимиръ Андреевичъ, двоюродный его дядя; но онъ не участвовалъ въ правленіи, не имѣвшемъ ни цѣли, ни основанія. Легкомысленная неопытность уклоняетъ слухъ отъ полезныхъ совѣтовъ; онъ спрашашся тѣхъ, которые мудрымъ благоразуміемъ

могущь обличающь неосторожность и самонадеяніе. Къ симъ главнымъ причинамъ колеблемаго правленія Князя Василія, присовокуплялись мятежи и неуспѣшныя, свѣршавшія во время удѣльнаго правленія. Къ щастію Россіи такіе же мятежи и безпорядки волновали и Орду. Въ глубокомъ мракѣ, тогда владычествующемъ, не видно было ни расчешливости, ни предусмотрительности человеческой, но видна была десница Провидѣнія, которая хотѣла поддержать, возставить, соединить и утвердить Россію, чтобы она жила впредь Вѣрою, вѣрностью и добродѣтелью.

По завѣщанію отца своего Князя Василія Дмитріевича, вступилъ на Московскій престолъ сынъ его *Василій Васильевичъ*. Завѣщанія тогда свято исполняющся, когда Вѣра и добродѣтель уважающъ ихъ. Власполюбіе презрѣло и опровергло распоряженіе Князя Василія. По смерти его зашумѣла грозная буря междоусобія. Родной его братъ Князь Юрій Дмитріевичъ *Звенигородскій* былъ любѣйшимъ врагомъ сына его. Митрополитъ *Вотій*, не желая, чтобы Софія, мать малолѣтняго Князя, была правительницей, приглашалъ въ Москву Князя Юрія. Софія съ своей споре-

Часть III.

ны отправила пословъ къ отцу своему *Витовту*, прося его о защитѣ; Бояръ же *Московскихъ* обязала присягою. Успрашась сихъ вѣстей, *Юрій* изъ *Звенигорода* удалился въ *Галичъ*, заключа временное перемиріе съ племянникомъ своимъ. Почти все продолженіе удѣльнаго правленія было временнымъ и ненадежнымъ перемиріемъ. *Юрій* вооружался въ *Галичъ*, а племянникъ, вспомоществуемый его братьями, ополчался въ *Москвѣ*. Возгорѣвшаяся война, вѣщастью, кончилась безъ кровопролитія вѣрнымъ перемиріемъ. Съ общаго совѣта, малолѣтній *Московский* Князь отпустилъ къ дядѣ своему *Юрію* Митрополита *Готія*. Сей усердный Пастырь церкви, зная, что первый долгъ блюстителя *Вѣры* водворять миръ и тишину, съ радостію поспѣшилъ въ путь и прибылъ въ *Ярославъ* въ праздникъ рожденія *Іоанна Предтечи*. *Ярославскіе* Князья просили его отслужить обѣдню; *Готій* отвѣчалъ: «Не могу; тороплюсь предупредить кровопролитіе: Богъ болѣе всего пребудетъ мира, любви и согласія.» Услыша о приближеніи Митрополита, Князь *Юрій* приказалъ собраться всѣмъ *Галицкимъ* жителямъ, поселянамъ, и разставилъ ихъ на горѣ, мимо

которой долженъ былъ проходить *Юрій*.
 Отслужа обѣдню и обозрѣвая народъ, Митро-
 поливъ сказаъ съ насмѣшкою: „Никогда не
 видалъ я шакого множества людей въ овечь-
 ихъ кожахъ.“ Сими словами объяснялъ онъ,
 что малое число опытныхъ воиновъ надеж-
 нѣе толпы многочисленной. Тщетно усерд-
 ный Паспырь убѣждалъ *Юрія* къ миру и согла-
 сию; неукротимый властолюбецъ отвѣчалъ:
 «Пусть въ Ордѣ рѣшится нашъ споръ.»
 Отвѣтъ поспыдный и показывающій рас-
 ственный судъ того времени.

1425 Года изъ предѣловъ иноземныхъ во-
 рвалась моровая язва въ Новгородъ и во
 Псковъ, откуда распространилась повсе-
 мѣстно; въ то же время свирѣпствовала и
 язва междоусобной брани, возмущившая жи-
 телей великаго Устюга и Новгородцевъ.
 1426 Года Лишевскій Князь Витовтъ съ
 ополченіемъ различныхъ народовъ вступилъ
 въ Псковскую область. Взявъ окрѣсть со Пско-
 ва, на слѣдующій годъ вооружился противъ
 Новгорода, который также откупился деньга-
 ми. Принимая дань, Витовтъ сказаъ Нового-
 родцамъ: «Я наказываю васъ за то, что вы
 укоряли меня пьянствомъ и измѣною.» Князь,
 за личную обиду свою жертвующій кровію

человѣческой, есть постыдный рабъ страстей; но сила не рѣдко торжествуетъ надъ справедливостію. 1430 Года къ Вишневѣ сѣѣхались иноземные владѣльцы; на семъ сѣѣздѣ находился и Московскій Митрополитъ Ѳотій. Въ томъ же году, ограда Порховъ каменною стѣною, Новгородцы совѣщались и о новыхъ укрѣпленіяхъ Новгорода. Предоспорожности надежны тамъ, гдѣ еладыествуетъ единодушіе. Не стѣны, но согласіе и единомысліе ограждаютъ народы и Царства.

1432 Года прекрашилось перемиріе Князя Юрія съ племянникомъ. Рускіе Князья, возмущаясь враждою и разномысліемъ, отправились въ Орду, гдѣ *Ширнешигинъ* покровительствовалъ Князю Юрію, а *Минбулатъ* и *Андиръ* держали сторону его племянника. Московскій Бояринъ *Иванъ Дмитріевичъ*, льстясь выдашь дочь свою за Князя Василія, по расчетамъ тщеславія опровергалъ доводы Юрія, требовавшаго престола по праву старшинства, ссылаясь на духовную Князя *Димитрія Донскаго* и на древнія постановленія. Хищрый Бояринъ сказалъ Хану: «Твой *цѣсникъ*, подвластный тебѣ Князь Василій, ищетъ престола по твоимъ *ерлыкамъ*, по твоему благоволенію, а Юрій ссылается на

мертвую грамоту. Твоя воля намъ законъ. Обольщенный пронырствомъ Московскаго Боярина, Ханъ приказалъ, чѣобы Юрій велъ коня племянника своего. Князь Василій хотѣя и опрeкся отъ сей уничижительной почести, но не хотѣлъ обезпечить областей дяди своего. Въ сіе время возспали враги на Хана Ордынскаго. Защищникъ Юрія, Щирнигинъ, угрожалъ Хану, что отъ него отложится, есѣли онъ не вступится за Князя Юрія. Угрозы и принужденіе сдѣлали то, что могло бы рѣшить взаимное согласіе не въ Орду, но въ Отечество. Рускіе Князья, оставя Орду, не оставили шамъ вражды и ненависти своей.

Къ торжеству добродѣтели, коварство часто обнаруживается при самомъ началѣ зловредныхъ замысловъ своихъ. Вѣроломный Бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, усердствовавшій Василью въ Орду, надѣясь выдать за него дочь свою, видя неудачу, бѣжалъ въ Царствъ къ Константину Дмитріевичу, дядѣ Великаго Князя, а опшуда переѣхалъ въ Тверь. Князь Василій помолвилъ на дочери Князя Ярослава, внука знаменитаго Князя Владимира Андреевича, родоначальника Князей Ярославскихъ. Пылая мщеніемъ, преда-

шель изъ Твери поспѣшилъ въ Угличъ къ
 Князю Юрію. «Князь!» сказалъ онъ: «вызо-
 ви сыновъ своихъ изъ Москвы. Наступило
 твое время. Не медли, пользуйся щастіемъ.
 Я служилъ неблагодарному; онъ презрѣлъ,
 онъ отвергъ меня. Молодушіе не умѣютъ
 цѣнить заслугъ; забывая неблагодарнаго,
 клянусь жить и умереть съ тобою!» Между
 тѣмъ совершалось брачное торжество Князя
 Василія съ дочерью Князя Ярослава. При
 семъ случаѣ подтвердилась истина, что не
 рѣдко отъ самыхъ ничтожныхъ обстоя-
 тельствъ возникають важныя происшест-
 вія, нарушающія общественное спокойствіе.
 Одинъ Московскій Бояринъ, замѣтивъ на Князѣ
 Василіѣ Юрьевичѣ золотой поясъ, осыпанный
 драгоценными камнями, сказалъ Софѣ, ма-
 тери Князя Московскаго, что сей поясъ по
 всѣмъ правамъ принадлежитъ сыну ея, а не
 сынамъ Князя Юрія. Повѣря ли преданію о
 семъ поясѣ, или прельстясь блескомъ его,
 Софья, забывъ всѣ приличія и благопристой-
 ность, сорвала оный при свадебномъ празд-
 нествѣ съ сына Юрія Димитріевича. Раздра-
 женные симъ наглымъ поступкомъ, сыны
 Юрія, Василій и Димитрій, немедленно удали-
 лись въ Галичъ къ отцу своему, и пылая

злобою, ограбили на пути своемъ Ярославъ и казну Князей Ярославскихъ.

Отъ спора о лясѣ возгорѣлось пламя распрей, тлѣвшее дошолъ подъ пепломъ. Юрій изъ Галича устремился къ Москвѣ; начались переговоры о мирѣ, и кончились междоусобиемъ. Московскій Князь, успѣвъ спасти мать и супругу, бѣжалъ съ ними сперва въ Тверь, потомъ въ Кострому. Дядя его Юрій, какъ будто бы побѣдившій врага иноплеменнаго, торжественно занялъ колеблющійся престолъ. Юрій отправилъ сыновъ своихъ въ погоню за двоюроднымъ ихъ братомъ; вскорѣ самъ выступилъ, достигъ Костромы и взялъ въ плѣнъ племянника своего. Но побѣдоносный Юрій и самъ былъ въ плѣну у вѣренниковъ и любимцевъ, помогавшихъ усиливаться низверженіемъ другъ друга. Онъ прилѣнился къ Боярину Морозову, старинному любимцу Князя Василя, Сей Бояринъ, завидуя прежнему любимцу Князя Юрія, убѣдилъ его дать Кожмичу въ удѣлъ Князю Василю. Сильно вознегодовалъ Бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, пылавшій еще ненавистію къ Князю Московскому за отверженіе руки его дочери; и другіе Бояре къ нему прислали. Не

взирая на прекословіе ихъ, угостя и одаря племянника, Юрій отправилъ его въ Коломну, не воображая, что мгновенная превратность могла снова возвестъ его на престолъ. Надѣясь утвердиться страхомъ, Юрій, возвращаясь въ Москву, началъ казнить и грабить Боярѣ, недоброжелательствовавшихъ ему. Тамъ тщены казни, гдѣ нѣтъ любви и усердія. Бояре и дружина Князя Юрія негодовали на него за то, что слѣпо вѣрясь одному Морозову, никому другому не вѣрилъ; воины и дружина, оскорбленные предпочтеніемъ одного передъ всѣми, оставя Юрія, спѣшили въ Коломну къ племяннику его. Сыны Юрія, видя общее бѣгство Боярѣ и воиновъ, напавъ на Морозова, ѣхавшаго въ саняхъ, возопили: „Злодѣй и предатель! управляя нашимъ опцемъ, ты отдалилъ всѣхъ ревностныхъ его служителей; ты одинъ хочешь владычествовать. Ты давно уже злобствуешь на насъ и на всѣхъ тѣхъ, которые осмѣливаются порицать швое самовластіе. Погибни!“ Съ сими словами порази Морозова остриемъ мечей, убѣжали въ Кострому.

Что значутъ замыслы чловѣческіе! Сегодня мечтаемъ о власти и могуществѣ,

и чрезъ день повергаемся въ безсиліе и пагубу! Оставленный Боярами, воинствомъ и сынами, Юрій увидѣлъ, что престолъ, не окружаемый и не поддерживаемый сердцами и любовью, уподобляется хладной и безмолвной могилѣ. Успрашась престола и власти, Юрій послалъ сказать племяннику своему: «Возвратись изъ Коломы въ Москву, и владычествуй; я узналъ мечту власти, я удаюсь въ наслѣдственный мой Звенигородскій удѣлъ:» Въ мирномъ договорѣ Князь Московскій условился, чтобы дядя его не принималъ сыновъ своихъ и не помогалъ имъ. Отъ порывовъ властолюбія, отъ тибельной вражды междоусобной, отцы отрекаются отъ дѣтей, а дѣти отъ отцевъ! Тщетны всѣ письменныя условія, есѣли сердце не договаривается. Примирился съ племянникомъ на словахъ, но не довѣряя ему сердцемъ, Князь Юрій изъ Звенигорода опять удалился въ Галичъ, и къ подкрѣпленію сыновъ тайно отправилъ Воеводъ и войско. Князь Московскій прошивъ двоюродныхъ братьевъ послалъ войско подъ начальствомъ Воеводы Князя Юрія Патрикевича. Полки его были разбины, а Воевода взявъ въ плѣнъ. Сими происшествіями ознаменовался 1433 годъ. Въ началъ 1434 года

возникли новыя распри и междоусобія. Князь Московскій съ сильнымъ ополченіемъ выступилъ противъ дяди своего: Юрій изъ Галича бѣжалъ въ Бѣлозерскъ. Племянникъ, мстя дядѣ своему, выжегъ Галичъ и разсѣялъ невинныхъ обывателей. Между тѣмъ Юрій, усилясь войскомъ Вятичей, возвратился въ разоренный Галичъ. Князь Московскій, претерпя поражение въ Ростовской области, удалился въ Новгородъ. Союзникъ его Князь Иванъ Можайскій, въ то же время отбѣжалъ въ Тверь съ матерью подъ покровительство дочери, бывшей въ замужествѣ за Княземъ Тверскимъ. Московскій Князь, укрывавшійся въ Новгородъ, убѣждалъ Князя Можайскаго, чтобы онъ не измѣнялъ ему. Князь Можайскій отвѣчалъ: «Впредъ буду тебѣ вѣренъ, но не шеперь. Мать моя скидается въ чужой вошчинѣ. Естьлибъ я былъ одинъ, то не успрашилсѣя мщенія твоего дяди; но не могу оставить матери: жаль ея старости!» Охраняя мать свою, Князь Можайскій присоединился къ Юрію и вошелъ съ нимъ въ Москву на Святой недѣлѣ. Смерть прекратила его торжество. Сынъ его, Василій, названный *Косымъ*, принялъ престолъ; но братья, завидуя брату, возвратили великое

княжество прежнему владѣльцу. Сынъ Юрія, обладая престоломъ одинъ только мѣсяцъ, бѣжалъ въ Кострому и началъ собирать войско. Въ сіе время скончался Митрополитъ Ѳошій. По сану и усердію, сей Пастырь прошивуборопвовалъ волненію спрасшей; но по ограниченности силъ человеческихъ не могъ ихъ укрошити.

По смерти Ѳошія свирѣпство спрасшей еще сильнѣе воспыладо. Князь Московскій, взявъ въ плѣнъ двоюроднаго брата своего Василія Косаго, приказалъ его ослѣпити за нарушение перемирія. Ослѣпляя родственика своего, Князь Московскій не помышлялъ тогда, что и самъ можетъ подвергнуться такому же жребію. Ужасны сіи распри и междоуссбія; но онѣ показываютъ, что кромѣ добродѣтели нѣтъ ничего прочнаго въ мірѣ.

Въ сихъ неустройствахъ протекъ 1446 годъ. Спустя два года, Татары, ворвавшись въ Тульскую область, напали на Бѣлевъ. Немедленно отправилось туда войско подъ начальствомъ Князя Димитрія Шемяки и Димитрія Краснаго, двоюродныхъ братьевъ Князя Московскаго. Возмущаеь непрестанными распрями, Рускіе Князья не умѣли соблюдать мира и ошвыкли побѣждать. Послѣ

мгновенной удачи, Рускіе были разбишы и обратились въ бѣгство.

1441 Года умерѣ Князь Димитрій Юрьевичъ, проименованный *Краснымъ* отѣ сано-вишаго ли вида, или отѣ чего другого, не извѣстно. Остался одинѣ Димитрій *Шемяка*, наслѣдникѣ ненависти отца своего Юрія къ Князю Московскому. Увлекаясь зловерными наговорами наушниковѣ, Князь Василій объявилѣ Димитрію *нелюбовь* и *вражду*. *Шемяка* убѣжалѣ въ *Бѣжецкѣ*, собралѣ войско и подступилѣ къ *Москвѣ*. Въ лицѣ *Зиновія*, Игумена *Троицкаго*, предсталѣ благоразумный миротворецѣ; убѣжденія *Вѣры* и *вѣрности* испоргли изѣ рукѣ *сопротивниковѣ* оружіе, подняшое на нагубу соотечественниковѣ. Примиренные враги рѣдко бываютѣ искренними друзьями. Не довѣряя Князю Московскому, *Шемяка* просилѣ *Новгородцевѣ*, чтобы они по волѣ своей приняли его въ области свои. *Новгородцы* отвѣчали: «Пріѣжай, мы будемѣ тебѣ рады.» Расчетливые *Новгородцы* охотно благопріятствовали ссорившимся Князьямѣ, зная, что распри ихѣ, ослабляя великое княженіе, ослабляли и подчиненность ихѣ къ Князю Московскому. Торговый народѣ наблюдаетѣ не общія, но личныя

выгоды свои. Около сего времени свирѣпствовали въ Новгородѣ сильныя пожары. Не разсудя, что сіе несчастіе произошло отъ неоспорожности, Новогородцы приписывали оное тайнымъ зажигальщикамъ и многихъ невинныхъ гражданъ повергли въ пожарное пламя. По сему случаю лѣтописцы наши справедливо замѣчаютъ, что тайна сердецъ человеческихъ известна одному Богу. Законы гражданскіе должны наказывать не предполагаемыя, но явныя и изобличенныя преступленія.

1445 Года, возвращаясь изъ Новгорода, Князь Димитрій Шемяка вмѣстѣ съ Княземъ Московскимъ ополчился противъ Татаръ. Въ сей несчастный походъ, Князь Василій въ Юрьевской области взятъ былъ въ плѣнъ Татарами отъ неустройства войска и отъ вѣроломства Шемяки, который не поспѣшилъ на помощь малочисленной его дружинѣ, окруженной сильными полчищами Татаръ. Снявъ крестъ съ груди Князя Московскаго, Татары послали оной въ Москву къ матери и супругѣ въ удословленіе его плѣна. Стонъ и плачь раздался повсемѣстно. Въ семъ мірѣ одно бѣдствіе почти всегда другимъ злоключеніемъ сопровождается. Силь-

ный пожаръ истребилъ въ Москвѣ всѣ деревянные строенія; каменные церкви отъ пламени разрушились. Мать и супруга Князя Василія удалились въ Ростовъ. Взволнованный народъ не выпускалъ Бояръ, принуждая возобновлять пострадавшую Москву.

Татары увели съ собою Князя Московскаго и отправили къ *Шемякѣ* пословъ для договора. Радясь злополучію родственника своего, *Шемяка* принялъ Татарскихъ пословъ, какъ вѣстниковъ будущаго его величія и могущества. Ликованіе разврата ненадежно. Послы, возвращаясь съ богатыми дарами и остановясь въ *Муромѣ*, предались шумнымъ и буйственнымъ пиршествамъ. Ордынский Ханъ, думая, что Послы его убиты, вошелъ въ переговоры съ Княземъ Московскимъ, и обязавъ его присягою, отпустилъ. Князь Василій немедленно отправилъ къ семейству своему *Андрея Плещеева* съ вѣстью о своемъ освобожденіи. Торжественно върности устрашаетъ злоумышленіе. Видя общую радость Московскихъ обывателей, *Шемяка* убѣжалъ въ *Устюгъ*. Въ ту самую ночь, когда Московскій Князь былъ освобожденъ, 1446 года Октября перваго, было въ Москвѣ землетрясеніе. Кремль и храмы Божіи поко-

лебались, какъ будто бы въ предвѣсшіе новыхъ напастей, ожидавшихъ Князя Московскаго. Сопровождаемый многочисленнымъ сонмомъ Бояръ, Князь Василій прибылъ изъ Переяславля съ семействомъ своимъ въ прародительской свой городъ.

Въ мрачной душѣ, воспаленной властолюбіемъ и ненавистью, Димитрій Шемяка умыслилъ лютейшее коварство къ погубленію родственника: онъ разгласилъ, будто бы Князь Василій за свободу сѣю общалъ Хану престолъ Московскій и порабощеніе Рускихъ обласпей. Вѣстники эабы быстро распространили сію клевету и волновали сердца. Не только Князья Можайскій и Тверскій, но и нѣкоторые духовные утверждали сію мнимую молву. Въ сихъ обстоятельствахъ, когда грозная буря скоплялась надъ главою Князя Василія, наслаждаясь спокойствіемъ совѣсти, отправился онъ въ Троицкую обитель съ двумя сынами своими и въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ. Онъ готовился къ подвигу блгочестивому, а враги его приготавливались къ новому злодѣянію. Измѣна и коварство, бодрствуя на неусыпной спражѣ къ уловленію

невинности, непрестанно пересылали вѣсти кѣ Шемякѣ и кѣ Князю Ивану Можайскому. Услыша о путешествіи Князя Василія кѣ Троицѣ, Шемяка и Князь Можайскій поспѣшили съ войсками кѣ Москвѣ и овладѣли ею въ день 12 Февраля. Никто не сопровивлялся имѣ; вѣрные служители были обезпечены, а злоумышленники давно ихѣ ожидали. Мать и супруга Московскаго Князя доспались въ плѣнѣ; казна Княжеская и имущества обывашелей, все было разграблено. Торопясь захватить беззащитную жертву, Шемяка ночью отправилъ кѣ Троицѣ Князя Можайскаго съ войскомѣ. Въ то самое время, когда Князь Василій слушалъ обѣдню, служитель его Буйко прибѣжалъ съ вѣстію о приближеніи Князя Можайскаго. Измѣнникамѣ и въ правдѣ не вѣрятѣ. Буйко не задолго передѣ тѣмѣ, измѣня Князю Московскому, былъ приверженцемѣ Димитрія Шемяки. «Не вѣрю тебѣ,» возразилъ Князь: «злоумышленники хошяшѣ насѣ расоритѣ; родсвенники мои поклялись мнѣ въ дружбѣ и любви.» Съ сими словами приказалъ согнать Буйку съ двора. Между тѣмѣ, смущаясь печальнымѣ предчувствіемѣ, послалъ развѣдать вѣрныхѣ своихѣ служителей, копорые остановясь на горѣ

надѣ Радонѣжемѣ, предались безпечной не-
отмоприншельности. Злодѣйство было про-
зорливѣе. Воины Князя Можайскаго издалека усмотрѣли безпечныхъ стражей. Соединяя съ вѣроломствомъ хитроспъ, Князь Можайскій тотчасъ опрядилъ нѣсколько саней, скрывъ подъ полосщами по два воина; провожаемые были въ крестьянской одеждѣ. Передовыя сани миновали гору, изъ другихъ выскочили воины и захватили спорожей. Глубокой снѣгъ, а еще болѣе неосторожность, препятствовали имъ бѣжать. У рачительныхъ стражей душа во взоры переселяется; безлечные, и на шагъ отъ напасти, ничего не видяшъ. Нѣкому было извѣстить несчастнаго Князя Василія! Быстро устремились враги его къ обители и заранѣе воскликнули побѣду. Увидя скачущихъ всадниковъ, Московскій Князь побѣждалъ дѣ конюшню; нерадѣніе и шамъ ничего не приготовило. Онъ не нашелъ ни одного осѣдланнаго коня; страхъ и поропливоспъ обуяли его приближенныхъ. Видя неминуемую гибель, Князь Василій возвратился въ обитель и вошелъ въ Троицкую церковь, надѣясь оградишъ священной. Церковникъ Никифоръ, усердству Кня-

зю, замкнулъ церковь. Измѣнники указали убѣжище спрадальца. Одинъ всадникъ изъ войска мятежнаго взлетѣлъ на конѣ, на крыльцо, спѣшилъ на помостъ, сѣпнулся о камень и упалъ въ безпамятствѣ. Паденіе угрожало и всѣмъ измѣнникамъ; но ослабленное буйство, алча мгновеннаго торжества, не мыслило о будущемъ. Князь Можайскій съ многочисленнымъ сонмомъ прискакалъ на дворъ монастырскій; за нимъ врывались непрестанно толпы мятежниковъ. Громко воскликнулъ Князь Можайскій: *гдѣ Князь Василій?* Спрашась кровопролитія спрадалецъ, подошедъ къ церковнымъ дверямъ, отвѣчалъ: «Братья и друзья! пощадите меня; не лишите меня жизни. Никогда не выйду изъ сей обители; опрекаюсь отъ престола и отъ міра.» Съ этими словами отворяетъ южныя двери, беретъ образъ съ гроба Сергія и вѣщаетъ врагамъ своимъ: «Клянусь сею иконою, что никогда не подумаю противъ васъ никакого зла; никогда не воздамъ враждою за вражду. Богомъ свидѣтельствуюсь, я не знаю, за что на меня возспали.» Вождь мятежниковъ увѣрялъ, что ему не учинитъ никакого зла, и для того только задерживающъ,

чтобы плѣномъ его облегчить окупъ, общинный имъ Тапарамъ. Видя неизбѣжную опасность, Князь Василій поставилъ образъ на прежнее мѣсто, и повергшись на колѣни у гроба Чудотворца, молился со слезами. Плачь, стоны, вопли, слова скорби и сраданія поколебали даже и сердца злодѣевъ. Князь Можайскій, боясь уступить чувствію жалости, вышелъ изъ церкви, приказавъ сообщникамъ своимъ захватить Князя Московскаго. Молитва одушевляетъ страдальцевъ Вѣрой, надеждой и терпѣніемъ. Услыша отъ злодѣевъ, что его задерживаютъ плѣнникомъ, Князь Василій ознаменовался крестомъ и сказалъ: *да будетъ воля Божія!* Въ простыхъ открытыхъ саняхъ, по снѣжнымъ глыбамъ помчали въ Москву страдальца, недавно обладавшаго престоломъ! Путь жизни есть, путь превращеній. Но и въ вихрь мятежей, среди ликованія злодѣйства, знаменуется сила Провидѣнія, хранящаго человѣчество. Овладевъ Великимъ Княземъ, злодѣи въ буйномъ торжествѣ забыли, что сыны его находятся въ обителѣ. Князя въ ту же ночь бѣжали съ вѣрными служителями къ Князю Рязанскому, въ Юрьевскую область, въ село

его Боярово. Убѣжища, предлагаемыя невинности, достопамятнѣе тѣхъ полей убійства, гдѣ кровь человѣческая лилась въ угодность властолюбія. Глѣннаго Князя заключили въ домъ Князя Шемяки, который, уклоняясь отъ взорой злополучной жершвы, избралъ другое жилище. Доискиваясь минимыхъ грамотъ, по которымъ будто бы Князь Московскій уступилъ за себя Татарамъ престолъ Московскій, увидѣли, что обѣщанный имъ окупъ состоялъ только въ пяти тысячахъ рублѣхъ и въ дани по два рубли со ста человѣкъ. Упѣсняясь невинностью безъ изслѣдованія истины, естъ дѣйствіе мщенія и злобы. За безчеловѣчный поступокъ Димитрія Шемяки, предки наши, пристрастный судъ наименовали сѹдомъ Шемякинскимъ. Князь Можайскій, разкаясь въ своемъ поступкѣ, сказалъ: «По вѣра клеветѣ, мы осудили невиннаго.» Злодѣи возразили: «Хотя и нѣтъ письменныхъ свидѣтельствъ, но Князь Московскій на словахъ уступилъ Татарамъ престолъ и Россію. Смертію его уничтожимъ сей договоръ.» Въ сіе мгновеніе правота воспоржествовала; Князь Можайскій и многіе Бояра воскликнули: «Князь Димитрій! естли

ты прольешь невинную кровь, то знай, что всѣ Рускіе Князья на тебя возстанутъ. Не обезславь смертоубійствомъ себя и насъ; за то, что Князь не умѣлъ охранять престола и земли Руской, прими его княженіе, назначь ему удѣлъ; а мы ручаемся, что не допустимъ его мстить тебѣ. Коварство и вѣроломство заглушали голосъ правоты: Князя Московскаго ослѣпили! . . . При семъ ужасномъ злодѣяннѣ, приводящемъ сердце въ содроганіе, не лѣзя не вспомнишь, что и Князь Московскій ослѣпилъ двоюроднаго своего брата *Василія Юрьевича*. Не въ укоризну спрадальцу повторяю о семъ обстоятельстве, но въ подтвержденіе вѣчной истины, что за зло, нанесенное ближнему, и сами терпимъ зло.

— 1446 Года Князь Василій тѣмъ же наказанъ, чѣмъ поразилъ родственника своего 1436 года. Ровно черезъ десять лѣтъ, Князь, овладѣвшій Рускаго Князя, и самъ ослѣпленъ. Сколь разительный примѣръ, что дѣла наши и на землѣ, и въ жизни мимолетующей не избѣгаютъ должнаго воздаянія! . . . Спрядальца отослали на *Угличье поле*; мать и супругу его отправили въ *Чухлому*. Князя *Василія Ярославича* и *Семена*

Ивановиць изъ Отчества бѣжали въ Литву; всѣ прочіе присягнули торжествующему злодѣйству. Изъ Московскихъ жишелей одинъ Федоръ Басенокъ вопрошивилъ и по приказанію Шемяки заключенъ былъ въ оковы. Подкупя стража своего, онъ испоргся изъ цѣпей и убѣжалъ къ единомышленникамъ своимъ въ Коломну. Въ семъ бѣгствѣ, помрачая вѣрносшь развратомъ, Басенко ограбилъ Коломенскія волости, и съ похищенною добычею удалился къ Князю Василию Ярославичу въ Литву, гдѣ дано ему было нѣсколько городовъ. Изъ тѣхъ городовъ Князь Василій уступилъ Дебрянскъ Князю Оболенскому и Федору Басенкѣ. Сей Князь, принадлежавшій къ поколѣнію Князя Владимира Андреевича Довского, подражалъ его великодушію. Онъ рѣшился возсѣсть на хищника престола и вступишься за угнѣсненнаго спрадальца.

Между тѣмъ, когда скоплялась буря въ Литвѣ къ пораженію Шемяки, сыны ослѣпленнаго Князя находились въ Муромѣ. Вкорѣ узналъ хищникъ, сколь ненадежно насильственное обладаніе! Власшь его поколебалась не отъ оружія, но отъ нелюбви подданныхъ. Слыша ропотъ негодованія и

возмущаясь страхомъ, предвѣстникомъ близкаго его паденія, Шемяка пригласилъ въ Москву Рязанскаго Епископа *Іону*. «Благочестивый Пастырь!» сказалъ онъ: «обѣщаю тебѣ Мишрополію, упраздненную побѣгомъ *Исидора*; а ты возьми на поручительство свое сыновъ Князя *Василія*. Убѣди ихъ оставишь враждебныя предпріятія. Имъ и опцу ихъ дамъ области и буду всегда ихъ охранять.» Такъ говорилъ Шемяка, перзаемый угрызеніями совѣсти. Суля другимъ охраненіе, онъ самъ былъ на краю пропасти.

Епископъ *Іона*, отправясь въ Муромъ на судахъ, возвѣстилъ рѣчи Шемякины Боярамъ сыновъ *Василія*. Князья *Ряполовскіе* и Бояре по долговременномъ совѣщаніи заключили, что должно согласиться, чѣобы не подвергнуться такому же жребію, какой постигъ Князя *Василія*. «Если ты вѣщалъ намъ правду,» сказали они *Іонѣ*: «по утверди ее клятвою. Въ церквѣ Рождества Божіей Матери, предъ лицомъ Господнихъ Олтарей и въ присутствіи народа, прими на свое поручительство сыновъ нашего Князя.» *Іона* исполнилъ ихъ требованіе. Онъ искренно ручался за безопасность Князей предъ Богомъ и людьми

а Шемяка, умышляя новое вѣроломство, съ притворною дружбою принявъ сыновъ злополучнаго Московскаго Князя, вскорѣ вмѣстѣ съ Епископомъ Іоною сослалъ въ Угличъ, гдѣ содержался ихъ отецъ. Іонѣ приказано было возвратиться. Князя Ряполовскіе рѣшились освободить спрдальцевъ; но не успѣвъ въ семъ подвигѣ, удалились въ Липву къ друзьямъ Князя Василія. Огорченный измѣною Шемяки, великодушный Епископъ Іона непрестанно ему повторялъ: «ты нарушилъ слово свое; ты посрамилъ меня предъ Богомъ и предъ людьми. Я ручался за сыновъ Князя Василія; они повѣрили моему слову предъ лицемъ священныхъ Олпарей: никто впредъ мнѣ не повѣритъ. Выпусти отца, освободи сыновъ; сведи грѣхъ съ моей и съ своей души. Что можетъ тебѣ сдѣлать спрдалецъ, лишенный зрѣнія? Сыновъ его упѣвди клятвою. Доколѣ не успокоишь совѣсти, ты не будешь спокоенъ на престолѣ; правосудіе небесное всегда угрожаетъ клятвопреступникамъ.»

Убѣжденный увѣщаніями добродѣтельнаго Пасшыря, Димитрій Шемяка отправился въ Угличъ. Увидя жертву своего властолюбія,

онъ возмущился и ощутилъ разкаяніе. Князь Василій, смиряясь предъ гонителемъ своимъ, сказалъ со слезами: «Я мало поспрадалъ; я достоинъ былъ еще лютѣйшей казни за зло, нанесенное народу Рускому.» Ознаменовавъ примиреніе пиршествомъ, Шемяка назначилъ во владѣніе Князя Василю Вологду и отпустилъ его туда съ семействомъ.

Область Вологодская ужаснула Князя Московскаго; въ сравненіи съ градомъ престольнымъ, она показалаь ненаселенною пустыней. Княгиня Софья, мать его, вѣщала ему: «Нашъ врагъ, нашъ гонитель снова намъ измѣнитъ. Онъ опредѣлилъ намъ не удѣлъ, а темницу. Мы можемъ освободиться отъ присяги, данной клятвопреступнику. Рускіе Князья, удалившіеся въ Литву, за насъ ополчаются; вѣрные наши друзья сходящія къ намъ изъ всѣхъ Московскихъ областей. Съ нами хопятъ они дѣлать скорбь и уединеніе; отъ вѣроломнаго хищника не желаюшъ ни почестей, ни власпи. Любовь и вѣрность призываюшъ тебя на престолъ: не погуби друзей своихъ! Если ты за нихъ не вступишься, они будутъ жертвами мучителя. Вступишь за себя, за дружбу, за вѣр-

нось; вступишь за свой народъ!» Князь Василій, обращая непрестанно потемнѣнныя очи къ блестящему Московскому престолу, давно уже совѣтовался тайно съ приверженцами своими. Не извѣстия ни машь, ни супругу, ни сыновъ, отправилъ онъ вѣрнаго своего служителя *Ростовскаго* въ *Тверь* къ Князю *Борису Александровичу*, а Боярина *Татищева* послалъ въ *Липву* къ Князю *Василію Ярославичу* и къ соповарищамъ его; самъ же, подъ предлогомъ благочестія, отбѣжалъ въ *Бѣлоозерскъ* въ *Кириловскую* обитель. Извѣдавъ непостоянство человѣческое, Князь Василій и тамъ никому не открылъ своего намѣренія, но послалъ сказать *Шемякъ*, что онъ по обѣщанію посѣтилъ *Бѣлоозерскъ*. Противъ хищника престола Князь Московскій вооружился хитростію. Между тѣмъ получа отвѣтъ отъ Князя *Тверскаго*, Василій поспѣшилъ къ нему, и укрѣпляя мирный союзъ родствомъ, сочеталъ бракомъ сына своего *Ивана Васильевича* съ дочерью его *Марією*. Сколь возмущалось въ сіе время сердце властолюбиваго *Шемяки*! Хотя сопровивникъ его не явно вооружался, но со всѣхъ сторонъ приходили къ нему непрі-

яшныя вѣсти. Онѣ слышалѣ о бѣгствѣ Московскихѣ жишелей, слышалѣ о вооруженіи Рускихѣ Князей въ Литвѣ, даже и Таттары ополчились къ потрясенію престола, имѣ похищеннаго. Полки Татарскіе соединились подѣ Ельною съ войсками, шедшими изѣ Литвы подѣ начальствомѣ Рускихѣ Князей. Вскорѣ изгнанѣ былѣ Шемяка; вскорѣ узналѣ онѣ, что преступленіе влечетѣ за собою неизбѣжное наказаніе. Отѣ 1448 до 1453 года Шемяка, неукротенный ни опытами, ни злоключеніями, неоднократно покушался похитить Великокняжескій престолѣ. Въ мятежныхѣ замыслахѣ своихѣ умерѣ онѣ внезапно. Въ продолженіи сего времени Таттары были въ Москвѣ 1451 года и ознаменовали нашествіе свое пожарами и грабительствомѣ. 1454 Года Князь Московскій ополчился на Новгородцевѣ и далѣ имѣ мирѣ по предстательству Епископа *Ефимія*. Принявѣ на себя званіе мирошворца *Ефимій* сказалѣ Новгородцамѣ: *мы гибнемѣ за нашѣ развратѣ!*—Князь *Василій* скончался 1462 года. Преемнику его престола, Князю *Ивану Васильевичу*, предоставило Провидѣніе освободить Россію и соприслишь Новгородѣ къ обла-

сшамъ Рускимъ. Тридцати семи лѣшнее владѣніе Князя Василя Темнаго, возмущаемое непрестанными родственными распрями, свидѣтельствуемъ, что безъ союза и согласія родственнаго, не дежны ни власпъ, ни бладенствіе общественное.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.
